Орхан ГУЛИЕВ
СТЁРТЫЕ СУДЬБЫ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Орхан Гулиев
Стёртые судьбы

https://litres.ru/74573823
SelfPub; 2026

Аннотация

Опытный следователь со стажем Джон Вуд, жизнь которого более подробно описывается в романе «Книга душ», вступает в новую должность, благодаря которой ему предстоит раскрыть истину весьма спорного дела. С вмешательством Вуда загадочная история набирает новый оборот из-за выявленных мелочей, на которые старожилы порядка в свое время закрыли глаза. Как считает сам Джон Вуд, мелочи эти кое-кто намеренно решил утаить за завесой непроницаемого молчания, но они-то и скрывали истинные мотивы.

Роман издан в 2014 году. Переиздан в расширенной версии в 2018.

Подписывайтесь на канал в YouTube – Орхан Гулиев книги.

Там Вы найдете эксклюзивные аудиоверсии книг со звуковыми эффектами + много интересного контента!

Содержание

. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Орхан Гулиев
Стёртые судьбы

•

ББК 84(2)
Гулиев О.
Стёртые судьбы: роман /
Орхан Гулиев. – Владикавказ: Издательсто “Литера” ИП Цопанова А.Ю., 2018. – 436 с.
ISBN 978-5-00081-020-0
книга переиздана
с дополнениями
Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается
без письменного разрешения автора. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

История повествует о детстве, которого никогда не вернуть: оно останется в нашей памяти, как сладкий привкус воспоминаний о беззаботных днях, когда мы не думали, что творим и какие будут последствия от наших действий. Ис-

тория о первых ошибках, стирающих грань правильных понятий, которые неизбежно улетучиваются куда-то в бездну наших неподчинений, и поступки начинают сами говорить за себя. Для каждого человека установлены свои моральные принципы, перейдя черту которых, мы начинаем понимать, что делаем что-то не так.

Опытный следователь со стажем Джон Вуд, жизнь которого более подробно описывается в романе «Книга душ», вступает в новую должность, благодаря которой ему предстоит раскрыть истину весьма спорного дела. С вмешательством Вуда загадочная история набирает новый оборот из-за выявленных мелочей, на которые старожилы порядка в свое время закрыли глаза. Как считает сам Джон Вуд, мелочи эти кое-кто намеренно решил утаить за завесой непроницаемого молчания, но они-то и скрывали истинные мотивы…

Что вы можете сказать о детстве? Когда вы поняли, что вы больше не ребенок, и теперь вправе строить свою жизнь так, как вам хочется, верша при этом собственный суд над некоторыми «коллапсами» жизни, не вписывающимися в ваши понятия нормы. Ведь каждый из нас может вспомнить, когда он почувствовал, что уже не ребенок, и весь его мир давно вырос и больше не может находиться в указанных границах, установленных нам без нашего согласия. Вспоминая детство, мне хочется многое рассказать вам. Наша жизнь делится на плохие и хорошие моменты, многие из них мы хотим забыть, но многие незабываемы, и порою, именно они,

скрашивают нашу повседневность. Попробуйте расслабиться, закрыть глаза и улететь в давно прошедшие дни. Что вы увидите первым?

Книга первая
Топь

– Вы плачете? Почему Вы плачете?

– Простите… – услышав обращение к себе, она разрыдалась в голос. – Простите меня, Ваша Честь.

– И все же?

– Я протестую, Ваша Честь! Это не входит в судебное разбирательство, которое и без того напряжено до предела. Если и в суде мы начнем придаваться каким-то своим внутренним понятиям, а не закону, то я даже и не знаю, где в этом мире найти уже закон. Никто не отрицает, что поступок очень дикий и циничный, но давайте не забывать, кто его совершил. Мы все очень устали. Ко всему прочему, раскрываются все новые и новые преступления. Ваша Честь, моя сторона просит перерыва. Позвольте мне…

– Адвокат обвиняемой стороны просит перерыва… – уставши, и понуро проговорил судья. – Что ж, очень вовремя, но прежде…

– Вы не учли во внимание мои слова! – громко выкрикнул из-за своего места рослый мужчина.

– Вас не спрашивали, мистер Вуд! Сядьте на место. Вы в

очередной раз перебиваете…

– Но я…

– …Если Вам будет сделано еще одно замечание, Вы покинете этот зал. Прежде чем дать возможность всем немного остыть, я хочу, чтобы высказался еще один человек. Я думаю, что для этого человека небольшой перерыв покажется целой вечностью. Ведь так? – судья обратил свой взор на девушку, которая, лихорадочно дрожа, не могла удержать слез, непрерывно скатывающихся по ее лицу. – Оливия, скажите мне, почему Вы плачете? Вы считаете, что все сойдет на «нет», как и с первой трагедией в вашей семье? Когда многие стали перешептываться о том, что гуманней и справедливей было бы снять обвинения, Вы обреченно… как бы правильней сказать… Сиротливо начали искать глазами тех, кто поймет и вашу сторону… Вашу боль. Здесь нет тех, кто хотел бы, чтобы оставшиеся виновные остались безнаказанными. Нет и тех, кто будет искать крайних.

– Я до сих пор не могу поверить, что в этих искренних… детских глазах… Я просто не могу передать словами то, что чувствую сейчас. Все это время они задевали и меня! Я списывала это все на их возраст. На то, что они не понимают, что творят. А оказывается, все это время, они затравливали моего отца, и он… молчал... Никому, ничего не говорил. Отбивался от них, словно от стаи шакалов...

– Заткнись, стерва! – выкрикнула одна из женщин, одетая в траурную одежду. – Она не смеет…

– …И все догадывались, – продолжала девушка, не отреагировав на выкрик, – что они не просто так ходят туда. Но как дело дошло до истины – все почему-то заткнули свои рты!.. – Оливия вновь разрыдалась в голос…

– Я ТРЕБУЮ ОТЛОЖИТЬ ПЕРЕРЫВ! – снова нетерпеливый выкрик, перебивший все бурные и в тоже время осторожные, монотонные перешептывания. Этот выкрик рослого мужчины ворвался даже в мысли молчаливо наблюдавших слушателей. – То, что вы здесь устроили – это просто немыслимо!

Напряжение нарастало.

– Я прошу вас всех!..

– Джонни Вуд просит нас?.. Меня не подводит слух?..

– Вы красиво играете, Ваша Честь. Как бы сказали в некоторых узких кругах, – он свел средние и указательные пальцы обоих рук, изобразив решетку, с прищуром глянув на судью, – красиво «стелите». Сочувствуете, и в то же время гнете свое. Очень грамотный, но до блевотины приевшийся и всеми заученный ход. Я думаю, Вы не пропадете в тюрьме.

– Охо-хо! – расхохотался судья. – Вот видите, Оливия, на Вашей стороне очень влиятельный человек. Не думайте, что вместе с его участием здесь можно будет кого-то просто так оправдать. Что ж, господа присяжные. Суд продолжается. Что же послужило поводом? Расскажите нам все сначала. Но… – судья, чуть подавшись вперед на своем месте, со злорадной улыбкой уставился на рослого мужчину, – есть одна

проблема. Они уже все рассказали… Мистер Джонни Вуд.

– Хорошо, что я присутствовал здесь, иначе и вправду поверил бы Вашим словам.

– Вы хотите найти крайних? Пусть это будет на Вашей совести. Но и я не дам Вам так просто стереть чью-то судьбу. Господи, все так запутано, – схватился руками за свою седую голову судья.

– Тем и интересней приблизиться к истине. Кстати, Вы не перестаете удивлять меня своей актерской игрой. Браво! Просто десять из десяти! – в удивленном, нарастающем молчании Джонни Вуд, стоя перед своим местом, сделал три показательных хлопка, надменно, можно даже сказать вызывающе и нагло уставившись на судью.

– Что Вы себе позволяете?

– А Вы?

– Как Вы не можете понять, Вуд? Есть тонкая грань. И дав волю мимолетным эмоциям, опрометчиво перейдя на одну из сторон этой тонкой грани, мы можем просто разрушить чью-то жизнь. Судя по тому, как Вы ведете дело, я именно этого и боюсь.

Джонни Вуд на мгновение задумался. А затем со спокойным (чем-то даже понимающим) выражением лица посмотрел на судью…

Тихо, с ноткой горькой утраты в голосе, произнес:

– Я не пришел посадить за решетку безвинных… Я просто хочу услышать внятную историю. Хочу понять, как все было

на самом деле. Разве мы не заслужили правды?

– Ваше право, – коротко ответил судья, опустив взгляд.

Сжав губы, Джон Вуд печально оглядел всех. В эти мгновения он бурно размышлял о том, насколько тяжела оказалась простая, на вид, история.

Порой, чтобы пережить детство, нужно немало сил.

– Пошли прочь! ПРО-О-ОЧЬ!..

– Ах ты выжившая из ума тварь!

Дождь стучал по лужам.

– Рик, не ходи к нему!..

– И не собираюсь. Я просто хочу запустить в него булыжником покрепче!

Из-за дождя и пасмурного вечера все, что улавливалось моим взглядом, выглядело очень серо… Нет, я бы даже сказал, что это неестественные цвета, как в черно-белой пленке: каким бы ни был темным и мрачным вечер, он все равно бы не отдавал такой гнетущей серостью. Даже Рик, как мы иногда обсуждали между собой, различил бы среди бесцветного мира его некоторые краски, но только не я... не в тот день.

– Рик был дальтоник?

– Да. Но он утверждал, что некоторые цвета все же различает.

– Что таковым и является. Томас, почему ты вспоминаешь тот отрывок из твоей жизни именно в таком…

– Я не знаю, как это объяснить! – перебил он психолога.

– Прошу тебя, не волнуйся. Просто расскажи нам. Ты ни в чем неповинный подросток. Тебе не будет угрожать опасность, если ты расскажешь нам правду.

– Что тогда, что и сейчас, вспоминая тот промежуток моей жизни, я испытываю лишь страх. Я не могу вспомнить красок того вечера. Очень, очень хочу!.. Но не могу. В моей памяти он окрашен скорее в серые тона классического кино-комикса. Их лица… Я помню каждый их контур… Каждую поддергивающуюся жилку… Серое, побитое оспой лицо Рика блестит средь неутихающих падающих капель ливня, некоторые из которых грубо ложатся на его кожу и быстро скатываются, заполняя собой рубцы...

– Ненавижу! – этот выкрик!.. Он обрывает мое заостренное внимание.

Рик замахнулся камнем в его сторону…

– Он заявит на нас, Рик, стой!

– За всю клевету, за все Ваши напрасные обвинения, – по лицу Рика ходили желваки. Он так сильно сжал острый камень в своей руке, что сквозь кулак по ладони потекла кровь, которая каждый раз проявляется ярко-алым цветом в моей памяти, среди всей этой черно-белой, но такой отчетливой серости…

В тот момент, когда Рик уже вобрал в себя весь гнев, и хотел было кинуть окровавленный камень… Харви добежал до него и сбил с ног.

– Что ты творишь?! Тебе мало того, что было? Мало того, что…

Рик перебил речь Харви своим заливистым хохотом… и вырывалось у него это как-то обреченно. Ливень обрушивал холодные бесцветные капли влаги на его лицо, а он лишь жмурился, продолжая смеяться.

Загремел гром. В небе сверкнула молния.

– Ты псих. Ты чертов псих!

– Пусти меня, – взгляд Рика резко стал серьезным: глаза безжалостно буравили Харви.

Взгляд Рика всегда пугал меня, и сейчас даже заставил попятиться.

Я стоял позади Харви, который перестал прижимать Рика ногами к земле… Он просто дал ему подняться. А затем и сам молчаливо рухнул коленями в грязь, как-то обессилено опустив руки, словно наполовину брошенные над обрывом плети… И лишь очень взросло… точно потеряв последнюю надежду, обреченно глядел снизу вверх в пылающие яростью глаза Рика.

– С этого дня, мы забудем все, что было, – к нам подошел Аарон.

Стоявший невдалеке Дэниел бегал по нашим лицам взглядом, пытаясь расслышать сквозь холодный ливень разговор. Осторожно подошел к Рику и похлопал его по плечу.

– Ты красавчик! Харви просто тряпка…

Рик не отвлекался на похвалу Дэниела. Лишь как удав

устремил свой взгляд в сторону темного силуэта, молчаливо глядевшего на нас.

– Ты ответишь за все! Придет время…

– ВОН! УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА! ВСЕ И ТАК ЗНАЮТ! Племянничек судьи, да, отродье? ОТВЕЧАЙ МНЕ! – перекрикивал он гром. – КАК БЫ ВЫ НЕ ПЫТАЛИСЬ ОПРАВДАТЬСЯ!.. ВАШЕЙ СЕМЬЕ НЕ СМЫТЬ ЭТОГО ГРЕХА! О, ГОСПОДЬ! ДА ПОКАРАЕТ ОН ВАС! ВАШУ СЕМЬЮ! ВЕСЬ ВАШ РОД И ВСЕХ, КТО ЗНАЕТСЯ С ВАМИ! АМИНЬ! Я верю… Верю в это… – мне казалось, что он плачет. Что-то продолжает шептать…

– ДАВАЙ! – Отпихнув в сторону Дэниела, Рик сделал два уверенных шага вперед. – Заяви на нас!.. Ведь ты конченый трус… Чертовый стукач, который только и может, что клеветать на других, – тихо проговорил последние слова Рик, и обернулся на нас, прощупывающе оглядывая, кто как реагирует, оценивая нас. Ища того, чьей поддержкой заручиться, рыскал взглядом по нашим лицам, словно сейчас ему предстоит идти в бой с диким зверем.

А «зверь» глядел на нас… Глядел теперь уже с таким спокойным лицом… Обреченным, потерявшим всякую надежду голосом, как загнанный в тупик стаей голодных псов, учуявших запах раненной жертвы, что-то продолжал шептать себе под нос. А псы теперь ни за что не потеряют след, не отпустят, не дадут шанса уйти.

– Ему все равно на твои крики, – произнес Аарон.

– Аарон! Наконец-то дошли и до него!

– Прошу Вас, не перебивайте Томаса.

– Простите, Ваша Честь. Но меня просто распирает любопытство. КАК? Как парня, который никогда не расставался со своими друзьями, не оказалось рядом в столь роковой час?

– Вы дадите ему слово, Джонни Вуд?

– Томас, прошу тебя, продолжай, – спокойным голосом проговорил психолог.

– Слова Аарона подействовали на нас отрезвляюще, словно заклятие. На протяжении всего этого времени мы так и не вспомнили об этом инциденте. Будто бунтарского несогласия Рика с недоказуемыми обвинениями никогда и не было. Он убедил нас,, что мы должны стереть с памяти произошедшее и все те постоянные нападки на потерявшегося в горе человека. Мы договорились, что забудем о всех этих моментах… Договорились, что это просто не наше дело. И Рик был согласен. Мы так и поступили. Хотя неприязнь все равно проскальзывала. Аарон очень хотел, чтобы мы оставили этого человека в покое. Даже из-за этого, когда видел, что его слова не воспринимаются, уходил от нас и не гулял с нами. Это может подтвердить и его мама… и многие…

– Томас, послушай меня…

– Зачем его впутывать в эту историю? Он был против наших вылазок. Из-за этого казался белой вороной. Вы хотите,

чтобы у всех сломалась жизнь? Даже у тех, кто пытался всех переубедить?..

– Томас, остановись! – чуть вскрикнул на него адвокат, прервав быструю речь.

Томас опустил глаза. По лицу скатывались слезы.

– Все хорошо. Все хорошо, Томас… – вскочила со своего места мать Томаса.

Кинувшись к сыну, она разрыдалась.

– Сядьте на место! – рявкнул Джон Вуд.

– Не кричите на нее! – вступился в защиту адвокат Томаса. – Вы и так запугали здесь многих! Я не позволю кричать…

– Все будет хорошо, детка моя, – прижимая к себе Томаса, мать утирала его слезы.

– Вы не позволите?– цинично вытянул руку в сторону адвоката Джон Вуд. – Поясню для всех: мы не играем здесь в детский сад. Один заплачет, второй подбежит успокаивать. Вы все здесь, наверное, забылись, где находитесь...

– Джон Вуд, угомонитесь, прошу Вас, – вмешался судья. – Господи, да закройте вы все рты! – он гневно ударил несколько раз судейским молотком по столу. – Тереза, прошу Вас, сядьте на место! Оставьте своего сына и сядьте на место.

В зале вновь наступила гробовая тишина.

– Томас, – судья обратился к напуганному подростку, который спешно утирал свои слезы. – Спрошу в последний раз. Все слова, сказанные тобой за Аарона, правда?

– Да, Ваша Честь.

– Кто хочет взять слово?

– Я, Ваша Честь, – поднял руку Джон Вуд. – И в этом мы тоже удостоверимся, – добавил он, с укором взглянув на подростка. – Хотя, я даже не хочу ничего добавить. Прости нас всех, Томас, что мы тебя перебили, – в голосе Джона Вуда чувствовалась нотка издевки. – Ты не хотел бы продолжить свою историю?

– Можно я с ним поговорю, мистер Вуд? – спокойным тоном вмешался в разговор психолог.

– Что сейчас перед твоими глазами, Томас? Томас?.. Ты меня слышишь?

На миг он глубоко задумался, и этот скоротечный миг унес его в прошлое, погрузив в нахлынувшие воспоминания…

– Придет время, и ты поквитаешься с ним. А до того… ты должен забыть все, что здесь было. И больше никоим образом мы не должны провоцировать своих недоброжелателей. Ты обещаешь мне?

– Какое время, ты о чем?! Что ты ему вбиваешь в голову? Ты всегда умеешь мастерски провоцировать, и всегда оказываешься потом в стороне, – произнес Харви.

– Время само накажет каждого. Никто не уйдет и не спрячется от судьбы, – словно не слыша Харви, продолжал Аарон. – А пока идет это время, мы не упустим своего и про-

учим в нужный час этого мудака. Ты не кипятись, он еще свое получит. Мы его судьбу по-другому сотрем. Он, как бешеная собака, бегает, жалуется. Да что он сможет сделать?.. Теперь надо думать, как мы разойдемся по домам. Я лично, заметно занервничал из-за страха, что на нас поступит жалоба. Вы не подумали об этом, друзья? – оглядел их Аарон. – Вот и твоя уверенность, Рикки, заметно поубавилась, и ты уже не так рьяно будешь шагать по направлению к дому. Будешь нервозно идти, дергаясь всеми членами. Как и мы все!

– И что нам делать? – заискивающе смотрел на Аарона Рик.

– Не бойся. Лишние глаза нас не видели, а кто этому сумасшедшему поверит? Только надо будет тихо разойтись по домам. И дома ни слова!

– Рик, и, правда! – резко выпарил Дэниел. – ты напился, как старый алкаш, и орал на всю округу все, что тебе приходило в голову. Хорошо хоть прорвало тебя на окраине, и нас никто не успел заметить из ненужных глаз. Зачем ты начал закидывать камнями дом ни в чем неповинного человека…

– Что? – побледнел от возмущения Рик. Глаза его сузились, уставившись на Дэниела Брайтона. – Не ты ли только что говорил обратное.. Я тебе это припомню.

– В чем он виноват?– продолжал Дэниел. – И ты бы всех обвинял, если бы у тебя произошло такое горе. А теперь, пошли отсюда, – добавил он, как отрезал.

В зале суда,

После нерассказанных воспоминаний…

– Томас? Тебе плохо? Скажи нам что-нибудь, – удивленно, как и все, смотрел психолог на потерявшего дар речи подростка.

– Я помню лишь, что, расходясь по домам, Аарон все что-то нашептывал Рикки. Я уверен на сто процентов, что он пытался его переубедить.

– Переубедить?.. Переубедить от чего?

– От злых намерений.

– Никто не замечал за вами ваших негативных действий?.. – спросил Джон Вуд.

– Это было в первый и последний раз. У нас тихий район, – перебил рассказчик Джона Вуда. – Все стараются не создавать себе лишних проблем. И даже если будет проходить полк стреляющих в небо военных, никого это не заинтересует.

– Это многое объясняет, – с иронией добавил Вуд. – Конечно, проще спрятаться за занавеской, и тихо глядеть на преступление. Глядеть на то, как насилуют простую девушку прямо перед вашими окнами, или же убивают пенсионера за сумку с продуктами…

– Мистер Вуд! Не забывайте…

– Чтобы Вы не говорили, Ваша честь, но пришло время навести порядок в вашем «болоте». Ваш район слишком погряз в омуте «простых совпадений». Старая проблема отно-

шений отцов и детей сегодня приобретает новые краски. Никто и подумать не мог, что разные поколения схлестнутся в столь шокирующей истории. Разве это возмездие должно было коснуться тех, кто подпитывал своей сердце лживой правдой? За самой этой историей раскрываются и другие потаенные психологические тайны и секреты. Чтобы немного приоткрыть завесу, я предлагаю начать все сначала. С простой исповеди. Сегодня мы предстанем пастырями и судьями для каждого, кто хоть как-то был связан с этим кошмаром. Вы готовы?

Конфликт между старшим поколением и младшим будет всегда. Нам лишь остается пожимать плечами и лживо недоумевать от происходящего, продолжая твердить себе, что именно каждый из нас прав в своей ситуации. Где мудрые старики, истины которых хочется слушать? Где радивые дети, которые бы хотели им внимать?

– Время не вернуть. Ты лишь вновь будешь стараться приблизить такие простые, но такие дорогие для тебя мгновения из собственной же жизни!.. Будь это просто воспоминание о приятном досуге с близкими тебе людьми, которых по разному ряду обстоятельств уже не вернешь в твою жизнь, или же просто удачный период, каждая секунда которого разливалась в твоей душе приятной истомой, а теперь – проявилась в твоих глазах дразнившим бельмом. Это как первый секс,

как первый поцелуй, который превзошел все твои сокровенные ожидания. Ты помнишь эти моменты… к которым уже невозможно вернуться? Ведь у каждого есть то, что он хотел бы вновь ощутить, прочувствовать… возможно, что-то изменить. Ведь ты не забыл! Не отрекся. Скажи, что это так!

– Что мы натворили? – с ужасом произнес он. – Как мы попали в чужой водоворот огненного смерча, который вырвал из наших рук и стер безумным вихрем всю нашу жизнь? Все надежды и мечты. Все наше прошлое. Настоящее. И будущее… Оставив лишь умирать на пепелище судеб, что до сих пор тлеют, вместо плавного течения, в наших сердцах, поедая изнутри незатухающим огнем правды… которую невозможно принять… Нет, я в это не верю. Ведь не может быть все так ужасно. Мы живы, и у нас есть шанс вырваться из тех дней, что на протяжении этих лет не покидают наши головы. Давай начнем все заново…

– О чем ты, Аарон? Ты забыл, где ты находишься после всего произошедшего? Твоя судьба стерта, как и моя. Прости, все давно прошло. Прими правду.

– Ты сошел с ума.

– Я? – проскальзывает непоколебимо-спокойная усмешка на лице. – Тебе до конца своих дней придется находиться… с лживой правдой. Во всяком случае, так было сказано не мною. Но у меня еще теплится надежда, что ты придешь к истине…

– Я единственный избежал правосудия, – перебил он его.

– Но, возможно, когда-нибудь, как ты сказал, кара настигнет и меня.

– Я не говорил такого. Истина не есть кара.

– Я это чувствую… Чувствую, что не прощающая подлая жизнь найдет удобный случай, чтобы припомнить мне мои грехи. Ведь от судьбы никто никогда не уходил. Ведь так? Я очень этого боюсь. Миссисипи… Почему мы тебя называли Миссисипи? Странно, я не могу вспомнить таких простых моментов, а всего кошмара, как бы мне не хотелось… не могу забыть. Он… он просто не выходит у меня…

– Посмотри на меня, Аарон. Посмотри в мои глаза! – Томас резко прижал свою ладонь к стеклу, разделяющую его и Аарона. – Не отворачивайся от них. Скажи мне… – бегающие глаза Томаса неумолимо буравили лицо своего друга. – Ты, правда, думаешь, что ты сможешь… Господи, – лицо Томаса исказилось: растерянное непонимание сменилось на обреченный ужас. Томас словно потерял последнюю надежду, рот его открылся в беззвучном крике. Глаза были такими потерянными, наливающимися слезами. Упирающаяся в стекло ладонь, точно теряя жизнь, стала медленно скользить вниз. По лицу его потекли слезы. – Аарон… Все, что они говорили за тебя… правда.

– Все обман! И твои слова… Они горьки, как вся твоя никчемная жизнь. Я не верю в них. Не верю, что ты такой слабый.

– Все кончено. Наше время не вернуть. И мы сами выбра-

ли нашу жизнь.

– ПОСМОТРИ! Посмотри на меня!.. Ты сильнее, чем ты сам думаешь о себе! Там, где я сейчас нахожусь… Здесь ничем не лучше, чем по ту сторону этого стекла...

– А где ты находишься, Аарон? Ты можешь ответить на мой вопрос?.. хотя бы самому себе.

– Я отвечу тебе. Я живу полноценной жизнью – так говорят люди. И в это мне хочется поверить самому. В их слова. Но на деле… Посмотри на нас... В кого же мы превратились? В кого превратился я? В простого парня, мечтающего жить по давно написанному сценарию обывательской жизни? Жить изо дня в день в криминале, в боли, в унижении, и все из-за того, чтобы прожить еще один день на этой лживой планете. Найти этот кусок хлеба и сожалеть о том, что когда-то упустил нужный момент. Разве это ты называешь жизнью?

– За все это время, ты лишь однажды пришел сюда. И, как обычно, в твоем духе, все так завуалировано, словно ничего и не произошло, и будто до сих пор не происходит. С кем ты пришел? Я хочу открыть тебе глаза. Обернись. Обернись, Аарон! – вскрикнул Томас: плача, он смотрел на Аарона такими страдающими, жалеющими его, глазами.

– Я пришел один. Ты сведешь меня с ума, Томас… Я лишь пришел сказать тебе спасибо, что ты дал мне шанс жить… как мне бы хотелось. Жить, как все считают… считают нормой. Но я очень корю себя. Изо дня в день… я виню себя за

то, что воспользовался шансом начать все сначала, – к горлу подступил комок. Аарон еле сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Он должен показать своему другу, что он сильный. Должен показать, что нужно быть сильными…

– Ведь я ничуть не меньше виновен, чем ты… Я пришел попросить прощение, Томас… За то, что позволил тебе отвести от меня возмездие.

– В чем ты винишь себя, друг мой? – Томас свободной рукой утер слезы, ни на секунду не выпуская телефонную трубку, но слезы, как назло, продолжали скатываться по его лицу. – Зачем изо дня в день разрываешь свое сердце, Аарон? Ты ни в чем не виноват. Разве ты мало страдаешь? – глаза Томаса будто что-то знали. Знали то, чего не знал сам Аарон. – Все бы хотели, чтобы ты прожил эту жизнь за нас всех… Пусть даже если она будет…

– Я боюсь, что в нее ворвется сокрушение. Боюсь, что однажды полученный мною шанс лопнет, как мыльный пузырь. Да, жизнь очень тяжела. И нас не готовят к такому наши родители. С ними мы, как у Бога за пазухой, а они, отдавая свои дни во благо нам, смиренно, до последнего, оберегают нас. Но я люблю эту жестокую, несправедливую жизнь. И каждый раз, как мне бывает хорошо… я вспоминаю тебя, – тихо прошептал он в трубку, словно боялся, что его услышат. – Ведь ты не встречаешь вольный рассвет, а ведь как он прекрасен…

– Зачем тебя привели? Зачем пошли на поводу? Ты бы не смог прийти сам, Аарон. Они хотят, чтобы я, увидев тебя, растрогался и каким-то образом донес… – не в силах сдержать нахлынувшие на него эмоции, глядя на Аарона, Томас разрыдался взахлеб, – правду? Какой уже смысл? И разве я не хочу этого? – Томас глубоко вобрал в грудь воздуха. – Ты думаешь, что мы до сих пор дети? Посмотри на нас? Разве можно увидеть в нас тех прежних… Как и всем, ты пытаешься доказать себе, что трагедии и не было – ты просто не причастен к ней. Но ты никуда не денешься... Надо это осознать, Аарон! Я верю, верю в то, что ты прозреешь! Будь же трезвым! Прошлое, к которому ты однажды захочешь вернуться, даст тебе надежду понять то, что с тобой произошло после. А иначе просто невозможно. Или?..

– Ты разговариваешь, как убеленный сединами старик… и я замечаю это и за собой. Зачем нам нужны эти игры во взрослых? Господи, ведь мы же все еще дети! Что же нас так изменило?.. Я приду, когда тебя освободят. Я не могу смириться с тем, что мы общаемся сквозь стекло, стоящее преградой между нами. Не могу впустить это в свою жизнь. Я знаю, меня трудно понять. Но разве смог бы ты закрыть книгу моей жизни, и не узнать все до конца?

– Смог бы лишь самый черствый человек…

– Я все осознаю, друг мой. Я не так безнадежно потерян в лабиринтах собственного сознания, как ты думаешь. Я не просто не могу, а, видимо, не позволяю себе… Это было бы

большим прощением – выйти из той роковой ситуации. Я так и остался в тех днях. Я вновь и вновь наказываю себя прошлым.

– Как можно себя так истязать, не позволяя прощение… самому себе.

– Ты не должен отчаиваться. Ты выберешься из этой ситуации. Ведь это все лишь на время. На время тебя посадили сюда. Пока не закончится суд. Ты будешь ждать, в то время, пока я прохлаждаюсь там… За стеклом, разделяющим нас.

– Но между нами не только это стекло, но и правда, которая все равно ворвется в твою жизнь, Аарон…

– Закончится суд, – словно маленький ребенок, с ноткой надежды, проговорил Аарон. – Я уверен, Томас, что тебя оправдают.

Томас обреченно опустил голову.

– Ведь я даже не участвовал в том кошмаре. Все надежды, все планы и безмятежная жизнь просто вычеркнуты, – и тоскующе посмотрел в его глаза. – Когда ты бываешь уверен на все сто процентов, что не получишь ответный удар, сможешь ли ты остановиться? Хочется задать этот вопрос тем, кто уже не с нами. А ведь я был твоим другом, и если бы ты появился в суде и поддержал меня словами правды – меня бы не упекли сюда. Хотя, на что я могу жаловаться… В то время, когда наши друзья кормят червей своими останками, а ты… Господи, что я несу? Как я могу винить тебя, Аарон? Просто во мне все еще выплывает надежда, которую я давно

утопил в собственных мыслях. Я не должен никого винить. Мне жаль лишь наших родителей, Аарон. Они не заслужили таких детей… Твоя мама, Аарон… Она умолила их, чтобы они дали тебе возможность увидеть меня? У нее еще теплится надежда. А я вижу, что уже ничего не изменишь… Увидите меня от него. Все ваши старания напрасны. Я не знаю, чем вам помочь.

– Так, парни, время вышло, – произнес надзиратель. – Пора возвращаться в реальность.

– Все будет хорошо. Скажи… Скажи, что это правда! – кто-то схватил Аарона под руку, дернув его, пытаясь отвлечь от телефона, но он даже не обернулся, не отвлекся, чтобы узнать, кто это, позволяющий себе так бесцеремонно вести себя с ним. Лишь с лихорадочным блеском в глазах, не мог отпустить жадным изнывающим взглядом лицо своего товарища.

– Мы, как и большинство в этом мире – стертые судьбы, – тихо промолвил парень по ту сторону стекла… и свободы. – Ты на воле, наслаждайся.

– Я пленник прошлого, – ответил гость: скоротечное время поторапливало вешать трубку, но, похоже, об этом он даже и не думал.

– Никто не спрячется от своих даже самых маленьких грехов. Даже на том свете каждого ждет возмездие, Аарон.

– В чем я виноват?.. Я ВИНОВАТ, ЧТО ТЫ ПРОСТО НЕ СКАЗАЛ ОБО МНЕ?! – взревел он, ударив по стеклу ладо-

нью, что разделяло их лица.

Собеседник лишь улыбнулся. Глядя в его глаза, отстранил от лица телефонную трубку.

– ОТВЕТЬ!.. В чем моя вина?

Не знаю, почему это случилось со мной...

Нет, я что-то упустил.

Но что?

В зале суда…

Судья: – Слово предоставляется окружному прокурору.

Джон Вуд: – Из слов Томаса я не могу понять лишь одного. То есть, в тот день вы спокойно разошлись по домам? А как же ваши родители? Где были взрослые? Разве они не унюхали от малолетних разгильдяев запаха алкоголя?

Томас: – Пили только Рик и Дэниел. Да и сказать, что Дэниел прямо пил… Так, за компанию, сделал пару глотков, только лишь потому, что на него надавил Рик.

Д. В.: Хорошо. Допустим, ты, Харви и Аарон не пили. Предположим, что Дэниел выпил пару глотков…

Т: – Он не нажирался, как Рик…

Д.В.: – Послушай, мальчик… – Джон сжал губы, сурово посмотрев на подростка. – Я не перебивал тебя. И ты сейчас не находишься в кругу своих закадычных друзей, или у себя дома, где, возможно, у вас принято перебивать старших. Ты в зале суда. Поэтому, сдерживай свои порывы. Если бы вы сделали, хотя бы пару глотков той дряни, о которой ты нам

поведал. Той, что влил в себя твой дружок Рик, не зная меры, забыв, что он всего лишь малолетний сопляк, от вас бы несло за милю. И поэтому, задаю тебе вопрос еще раз: каким таким чудом не учуяли запах спирта родители Рика и Дэниела? Ты можешь мне ответить на этот вопрос?

Адвокат: – Я требую…

Д.В.: – Замолчать!

А: – Ваша Честь, уже не первый раз все замечают, как Джон Вуд давит на…

Т.: – Я знаю.

Адвокат удивленно посмотрел на Томаса.

Т.: – Я знаю ответ на этот вопрос, – подавленно опустил глаза Томас. – Мы расспрашивали об этом их самих уже на следующий день. Дэниелу удалось избежать близкого контакта с родителями. Он быстро ретировался в свою комнату, под предлогом, что сильно утомился на прогулке с нами. А вот Рику повезло меньше. Его нетрезвое состояние прямо с порога раскусил отец. Как рассказывал сам Рик, отец быстро отвел его в дальнюю комнату, и Рику ничего не оставалось, кроме как признаться, что он вместе с нами украл с прилавка местного магазина алкоголь.

Д.В.: – Да, я заметил, что в вашем городишке, особенно на окраине, любой разгильдяй или подросток может запросто украсть те же спиртные напитки. Потому что они находятся на самом видном месте в ваших, так называемых, мелких магазинчиках. Но речь сейчас не об этом. Как же так полу-

чилось, что отец Рика спустил все на «нет»? И даже не наказал сына?

Т.: – Отец Рика всегда старался входить в положение… Нет, в доверие. Не знаю, как это у него получалось, но он быстро находил общий язык с детьми и подростками. Наверное, поэтому его так все любили, особенно, среди подростков. Его считали своим… как бы правильно сказать…

Д.В.: – Для своего возраста, Томас, ты и так очень грамотно изъясняешься. Не надо долго подбирать слова. Просто изъясняйся, как можешь. И все быстро закончится, Томас. Продолжай.

Т.: – Вот и в тот вечер, он отвел Рика подальше от всех остальных. Сделал так, что Рик сознался, а затем постарался, чтобы его сын не попадался на глаза своей матери… Я не помню точно, но в тот вечер, у них еще кто-то был дома. В общем, все получилось так, что, благодаря отцу, Рик благополучно отлежался в своей комнате. Его отец даже дал ему какое-то лекарство, чтобы ему было легче…

Д.В.: – Прости, что перебью тебя, Томас, но, что самое интересное, я знаю, кто в тот вечер зашел в гости к семье Рика. Неужели гость не заметил пьяного подростка? Хорошо, мать Рика была на кухне, все остальные в гостиной. А вот главный то гость, постоянно захаживающий в дом семьи Рика, – ведь именно он открыл двери пьяному подростку. А уж потом уже подошел отец. Куда смотрел этот нами всеми знакомый гость?

Т.: – Я не знаю, сэр.

Д.В.: – А вопрос и не к тебе, Томас.

С.: – Не отходите от темы… мистер Вуд. Гость родился не с каменным сердцем. Он просто помог избежать конфликта в семье. И, как положено, позвал своего брата – отца Рика. В тот момент, ему показалось, что правильней было бы избежать грядущего скандала, ввиду того, что он знал, какой вспыльчивый характер был у матери Рика. Она держала в ежовых рукавицах сына. Вы это уже и так знаете.

Д.В.: – Да, прямо-таки держала. А сын то, при этом, держал в ежовых рукавицах всех остальных. И все ваши слова – лишь детские, нелепые отмазки.

С.: – Сплошное непонимание. Благодаря Вам, мистер Вуд, суд превращается в невесть что. Из всех Ваших задаваемых вопросов трудно уловить логику.

Д.В.: – А я и не собираюсь вам разжевывать все свои вопросы. Вопросами своими я направляю всех здесь присутствующих к мелочам, которые, почему-то, уплыли, за ненадобностью, сквозь Ваши пальцы. Будьте терпеливы, Ваша Честь, и все непонятные мелочи, которым есть место быть, сами раскроются истиной перед Вашими же глазами.

С.: – Я знаю, к чему Вы клоните, мистер Вуд.

Д.В.: – Я-я-я?.. Ну что Вы. Все мы знаем, что благое дело – крышевать своих родственников… Хорошо хоть Вы не относитесь к таким людям. Томас, – Джон Вуд резко обернулся на подростка. – Хочу спросить тебя об Аароне.

Т.: – Конечно, сэр.

Д.В.: – Ты бы хотел, чтобы тебя, наконец, оставили в покое, и не задавали столько вопросов.

Т.: – Да, сэр.

Д.В.: – Тогда, раз никто не может дать логического объяснения, можешь хотя бы ответить ты. ЗА ВСЕХ! – с укором оглядел он присяжных. – Почему, в данный момент, суд проходит без Аарона Ловински?

Т.: – Вы ведь и сами знаете, – исподлобья глянул на него Томас, словно затравленный зверек.

Д.В.: – Не надо на меня так смотреть, мальчик. То, что с ним произошло, не является уважительной причиной, чтобы не прийти сюда. Я видел его. И его состояние не настолько безнадежно, как все вы здесь сочли. Решили просто отвести его в сторону?

С.: – Вы в своем уме? Что с него можно взять? Что вообще с этих детей можно взять? Теперь… После всего. Когда мы думали, что всем и так понятно, что этот мальчик не виновен. Так же, как и Томас. Пока Вы только становились на эту должность и ехали к нам, невесть откуда для нас… Еще даже не знали, что ведется такое дело, прошло уже десяток расследований, сотня свидетельских показаний. Аарона Ловински уже не касается это дело.

Д.В.: – Да, прямо с Ваших слов – все невиновные.

С.: – Вы лишь топчитесь на месте, – злобно выпарил судья, точно стрельнув словами в Джона Вуда. – У Вас больше нет

вопросов к Томасу Лайну?

Д.В.: – От того ли свидетеля мы должны слышать эту историю? Где сейчас Аарон? Мне нужен Аарон Ловински!

Глава 1. Ностальгия

Суббота,
Аарон…

Вчера закончил доклад, над которым трудился три месяца, безликими вечерами выписывая цитаты и добавляя свои рассуждения на тему «зачем живет человек», старательно находя каждое слово, под песни Фредди Меркьюри. Черт... Он отлично пел. Всегда вдохновляюсь им, особенно после трудового дня, когда совсем уже опускаются руки и усталость берет верх над моим желанием все успеть. Мне двадцать пять, я работаю журналистом в небольшой газете, которая рассказывает о событиях текущего дня, добавляет перчинку из сплетен о мировых звездах и немного скрашивает это фотографиями. Надеюсь, скоро напишу книгу, но только не о «звездах». Хочу написать историю о простом парне, ищущем свое место в этом мире. Идея неплохая, заметьте. Если хорошо постараться, может получиться и бестселлер.

Меня зовут Аарон Ловински. И я очень люблю свою мать. Она у меня еще не так стара, но живой интерес к жизни давно потух в ее глазах. Завтра хочу проведать ее, и узнать, что же нового произошло в нашем маленьком городке, пока меня

не было. С каждым годом я понимаю, что ей все больше лет, и время не ждет, а я еще ничего не успел для нее сделать.

Она живет в домике на orchid-стрит. Это такая тупиковая улица в нашем городе, почти на самой его окраине. Ее назвали так потому, что там когда-то были парники, где выращивали красивые экзотические цветы. Слава о них распространилась далеко за пределы нашего городка. Опять эта мелодия… Сейчас моя любимая песня дала о себе знать.

I'm just a poor boy and nobody loves me.
He's just a poor boy from a poor family,
Spare him his life from this monstrosity.
Easy come, easy go, will you let me go.
Я просто несчастный парень, меня никто не любит.
Он просто несчастный парень из бедной семьи.
Избавьте его от этой чудовищности.
Легко пришло, легко и уйдёт, отпусти меня!

Bismillah!.. Боже, помоги мне!..

Закрываю глаза и плачу. Хотелось бы почаще видеть маму, а когда-то я остро ощутил желание свободы и быть подальше ото всех, и поэтому уехал в большой мегаполис. Моя работа забирает все мое время. Раньше я жил там – на orchid-стрит. Дом 211. Сейчас все изменилось. Я снимаю квартиру в жилом квартале, где обычно по утрам гудят будящие

сигналы машин, и запах горячих хот-догов будоражит аппетит. Мне даже не приходится завтракать дома. Говоря проще, я завтракаю, идя по улице. Быстро и на ходу. Я уже к этому привык. Правда, бывает, выпиваю чашечку кофе, выходя из дому. Моя бывшая подружка Сейла Эванс всегда смеялась над моим образом жизни. Наверно, поэтому мы и расстались. В понедельник мне нужно нести доклад в аспирантуру. Я не рассказывал? Совсем забыл. Я еще тружусь над получением второй профессии. Хочу познать все пути экономиста. Как говорила моя мама: «если есть возможность – всегда учись». Закончив колледж и получив два высших образования, она до преклонных лет стремилась познавать все новое, только это придавало ей интерес к жизни в ее непросто сложившейся судьбе. В свое время, ей предлагали поехать в Европу преподавать в одном из престижных вузов, но она сама ничего не захотела. Хотела лишь родить меня, все остальное она считала в этой жизни суетным. Она говорила, что я ее спасение, которое Бог даровал ей. Хотя я много сделал плохого, и многое хотелось бы мне забыть.

В этом сентябре я перешел на второй курс. Так интересно понимать, что идешь дальше. Так приятно знать, что ты чего-то добился. Мама была права, когда говорила, что всю жизнь надо учиться. Учиться исправлять себя и свое общество. О, я уже заговорил, как настоящий экономист. Смешно... У меня много планов. И надеюсь, все в скором будущем сбудется.

Перед тем, как выйти, Аарон Ловински оглянулся на фотографию, стоящую на столе в гостиной – на ней были запечатлены пятеро подростков.

«А была ли это дружба? И когда произошел тот переломный момент, который мы все заметили?..»

Юго-запад Миссури
17 января
Не оставляющее прошлое

– Харви! Харви, кидай мяч!

– Лови, Томас!

– Дэн! Обведи эту свиноту…

В это прекрасное зимнее время, когда хотелось лишь одного – забыть о школе и гонять по улице, пятеро детей играли в мяч. Небо тогда сильно затянулось белыми, как вата облаками (если хорошо приглядеться, то они походили на мрамор). Снег уже шел второй день. Что-то аномальное. Аарон никогда не видел такие хлопья, они сплошной стеной сыпались на ребят. Дерево, что росло неподалеку, было похоже на огромный снежный ком, от него ветром разносились снежинки белой пудрой. Ветер старательно пытался превратиться в метель, кружа над районом. Носы и щеки детей раскраснелись от холода, они уже полчаса играли в мяч, не замечая сугробов. Хорошо, что мистер Крайсан расчистил площадку рано утром, еще когда они спали крепким сном дома. Сегодня воскресенье и каждый забыл о своих обязанностях.

Аарон – невысокий мальчик с голубыми глазами, утонченными чертами лица и кудрявыми темно-русыми волосами, проснулся, и с детским восторгом посмотрел в окно своей комнаты, за которым был виден белый снег и сугробы. Он раздраженно убрал со лба падающие на глаза кудри. Волосы его очень пышно росли, и всегда было большой проблемой их хоть немного причесать, хотя здесь были и свои плюсы: пышная шевелюра закрывала его чуть торчащие в стороны уши. Мама Аарона любила вдыхать запах его волос, когда обхватывала его голову ладонями и в упоении вбирала в себя родной аромат, несмотря на то, что эта ее привычка раздражала самого Аарона.

Он вновь уставился взглядом в зимний пейзаж за окном. Пару деревьев наклонились к их дому: на ветках разрослись снежные наросты, все сильнее склонявшие заледенелые кроны.

«Еще немного, и они могут сломаться» – думал каждый раз Аарон, просыпаясь и видя их склоненные ветви, что почти упали на крышу их дома. Четырнадцатилетний возраст ничему не обязывает, а такая погода так и тянула выйти из дома, чтобы сделать что-нибудь запоминающееся. Он еще раз посмотрел на сказочный «белый плен» за окном, прежде чем встать с приятной постели, после стирки пахнущей душистым лимоном, одеяло на миг заставило усомниться в идее выйти на улицу, но Аарон быстро выкинул сомнения из головы. Мать готовила что-то на кухне, вкусный запах доно-

сился в закрытую комнату. Наверное, это шкварчит фирменная яичница, приготовленная с дольками бекона. А как пахнут румяные тосты сегодня!.. Его любимый поджаренный хлеб, от которого он никогда не откажется, тем более приготовленный руками его мамы, что все готовила как лучший шеф-повар мира. Но сегодня он не хотел есть. Желанная погода звала выйти и пройтись по рыхлым сугробам. Хлопья снега так и не переставали удивлять. Такие же большие, как и вчера, и с такой же порывистой скоростью падали вниз. Вот и дорогу всю замело, и к центру города не добраться...

– Аарон, ты уже встал? – мама услышала его возню в комнате.

Аарон как раз натягивал джинсы, заправляя в них майку. Кухня находилась за стеной его комнаты, и он мог чуять вкусные ароматы разных блюд каждый день, заранее нагоняя себе аппетит.

– Да, мам. Доброе утро.

– Доброе. Иди завтракать.

– Я не голоден. – сказал он, уже застегнув верхнюю пуговицу на джинсах и взявшись за расческу, подошел к зеркалу.

В его маленькой комнате было все самое необходимое: шкаф с зеркальными створками, рабочий стол и широкая кровать. Старенький компьютер расположился на краю стола, ближе к кровати, и таким образом был всегда под рукой. На часах было ровно девять. Аарон старательно зачесал шевелюру, заметно отросшую за два месяца от послед-

ней стрижки. Из-под волос не виднелись даже мочки ушей, что ему и нравилось.

– Иди, позавтракай, чтобы я была спокойна.

– Хорошо, мам, – тихо ответил он ей, и, отложив расческу, вышел из комнаты…

– Давай! Задай ему! Аарон, присоединяйся!

Четверо ребят играли на расчищенной площадке, которую уже успел припорошить снег.

– Я просто посмотрю, как вы играете, – ответил невдалеке стоящий Аарон.

– Да брось ты, давай за нас! – в очередной раз предложил Харви.

Но Аарон лишь, улыбнувшись, отрицательно покачал головой. По левую сторону от Аарона на воротах стоял Харви, нападающим был Томас. По правую – Дэниел и Рик. Рик Купер стоял у футбольных ворот. Яркий блондин – зеленоглазый забияка. Лицо его, худое, вытянутое, было усыпано глубокими дырочками – шрамами от оспы. Рик Купер все время делал все наоборот, о чем бы его не попросили, и лез, куда ни попадя. И, может, поэтому именно ему всегда доставались шишки. Один из самых запомнившихся случаев для него (этот случай надолго запомнился ему, унизив, как он после этого твердил, до самого предела) произошел полгода назад – всей компанией отправились на территорию мистера Форда. Но из-за слишком большой любознательности,

попался только Купер. Пьяный старик вел его под ружьем до самого дома. Похоже, для самого Рика, это были незабываемо страшные минуты, которые, словно оставив еще один глубокий шрам на его лице, затаились в душе злобной обидой, точно ко всему миру! Ко всему прочему, Рик был еще дальтоником. Это часто доставляло ему большие неудобства. Например, когда он не мог различить цвета в школе (мать настаивала, чтобы он пошел учиться в специализированную школу, но для этого его отцу понадобилось бы менять работу, да и всей семье переезжать), над ним часто издевались сверстники, но со временем, он научился избегать казусных случаев. А всех недоброжелателей, которые позволяли когда-то смеяться над ним, долго и упорно изучал, и, в нужный момент мстил каждому, и делал это так изощренно (при этом ни разу не выдавая себя перед взрослыми), что у его обидчиков, после мести, сразу же пропадало какое-либо желание связываться с ним и дальше. Многие его боялись, считали коварным и даже опасным. Никто не мог доказать, что он виновен, но все его сверстники знали, что это он. Кто-то после достаточно жестоких «уроков» от Рика, пытался даже дружить с ним, но он уже мало кого подпускал: старался дружить с теми, кого уже давно принял в «стаю».

– Дэн, лови!

Кто-то из детей разгоряченно бросил шапку на мягкий снег, а у кого-то наоборот, шапка была натянута до бровей, пряча весь лоб от колющего мороза.

– Почему вы отняли у меня мяч? Дэн, ты взял его руками!.. – выпарил Томас. – Дэниел, так нечестно!

Дэниел Брайтон. Местный озабоченный мальчик с рыжими волосами и с выбитым верхним зубом. Его лицо было усыпано темно-бурыми веснушками. Когда Дэниел сильно смущался (а смущение его всегда являлось с постоянно проделанными им непристойными казусами – он словно стыдился и балдел от собственных же извращенных действий) у него всегда краснел нос. И вот представьте себе такую картину: широкое конопатое лицо, рыжие редкие волосы, тут же краснеющий нос, и выбитый передний зуб. В конец пробивала на смех его по-дурацки скорчившаяся рожа: он удивленно выставлял напоказ передние зубы, а нижнюю губу чуть прикусывал, показывая тем самым, что очередной пошлый номер выскользнул из него случайно. Где же Дэниел потерял передний зуб, спросили бы вы? Выбили ему зуб как раз «после очень (как он сам твердил) провальной вылазки». Он часто следил в школе за старшеклассницами. Ходил за ними по пятам, вплоть до самого туалета. И даже проделал дырочку в соседнюю душевую, которую, каким-то чудом никто не обнаруживал долгое время. А сам Дэн попросту затыкал ее жвачкой. Но в тот день, его как черт попутал. Красавица Мэри – белобрысая старшеклассница и к тому же спортсменка по вольной борьбе… Но симпатичной она казалось только Дэну. «Боже, как она прекрасна» – всегда мечтательно проговаривал он. Все ее считали, мягко говоря, не очень-то при-

влекательной, и за глаза называли «Белый Мишка», «Стокилоштанги», «Широкий обрубок потонувшего Титаника», в отличие от Дэниела, который просто сходил с ума от ее фигуры. И вот представьте себе эту высокую девочку: широкие плечи, громоздкая походка и огромные ладони, одна из которых бы точно удержала два арбуза, а второй бы она подняла самого продавца, чтобы подкачать бицепс… В тот день Мэри позже всех зашла в раздевалку, так как дольше всех решила зависнуть на турнике: а физрук-то – Тоня Орлова, больше напоминающая прокуренного мужика в трениках, только и рада была все новым и новым подвигам Мэри, и поэтому во всем потакала ей. Она возлагала на Мэри большие надежды (ведь собственным уже не судьба было сбыться в силу возраста и старой травмы), и всячески пыталась выдвигать ее на всеразличные конкурсы и спортивные мероприятия, яро утверждая и доказывая всем, что она ее личный тренер. После затянувшихся тренировок Мэри направилась как раз туда, где уже притаился Дэниел Брайтон. Он спрятался в один из длинных (в человеческий рост) шкафчиков для вещей, которые плотно стояли в ряд. Зайдя в раздевалку Белый Мишка (Мэри) развалистой походкой направилась к своему шкафчику. Дэниел затаил дыхание, словно прятавшийся космонавт, перед которым медленно и тяжело проходил Чужой (из фильма Ридли Скотта). Она нагнулась, чтобы взять свои вещи, и Брайтон застыл… Из головы вылетели все мысли. Он был просто очарован «широким ракурсом»... И…

Правая рука сама потянулась к штанам. Его выдало лишь тоненькое поскуливание, когда Мэри стянула с себя футболку, и, точно дикий бизон на водоеме, моментально обернулась в сторону позади стоящих шкафчиков, где и прятался Дэн. Дэниел, крепко держа «большой орган Самца» (как он изъяснялся перед друзьями, которые хохотали заливистым смехом, тут же вспоминая, как однажды увидели Дэна в мокрых прозрачных плавках у реки, и не могли понять, что это у него за комариный укус «там», а он лишь яро доказывал, что в тот день просто была холодная вода), застыл в ужасе, когда Белый Мишка, открыв шкафчик, уставилась на него безмерно удивленными, выпученными глазами. Ему показалось, что в то мгновение у нее из широких ноздрей вырывается пар, как у взбесившегося быка, глядевшего на тореадора с красным полотном. И… все что Дэн успел уловить после… так это резкий хук справа большого Белого Мишки. «Она определенно меня хотела, парни, но просто испугалась моей напористости. Она даже сказала: «А что подумают люди, Дэн?» – от последней фразы парни попадали с ног, дико хохоча и стуча кулаками по земле.

«– Вы не верите? Она даже коснулась моего достоинства и сказала, что он слишком большой».

«– Остановись, прошу тебя!» – от смеха Аарон схватился за живот, валяясь по траве.

«– А что ж тогда она тебе выбила зуб, Дэнни?» – сквозь слезы выпалил Рик Купер.

«– Так потому, что она согласилась, парни!»

«– Что???!» – Рик вновь упал головой на землю, еще больше закатившись смехом.

«– Она подтянула меня к себе и сняла трусы! Трусы сняла!»

«– Трусы-парашюты?» – сквозь хохот вставил фразочку кто-то из рябят.

«– У нее были розовые стринги. А зуб она выбила после того, как я сказал ей, что она слишком толстая и я бы предпочел ей дать в…»

«– Толстая для тебя?» – перебил его один из друзей. «– Ты же обожаешь толстых! И вовсе она не такая толстая для твоей нормы. Она же спортсменка! Ты врешь и не краснеешь. А нет, твой нос говорит обратное. Аха-ха!..»

«– Не верите?.. Ну как хотите!» – нервно отвернулся Дэниел.

«– Как же ты сбежал оттуда?»

«– В окно. И вообще… Отстаньте от меня!»

В тот день Дэн больше не вымолвил ни слова. Что было удивительно для всех, так это то, что Мэри не стала жаловаться на Дэна. И случай каким-то странным образом не подался огласке. Друзья даже подумали, что все это извращенные выдумки самого Дэна, и, наверное, он просто получил по зубам от местных хулиганов. А сам Дэн сказал дома, что упал, когда пытался ретироваться с уроков через окно.

Все также знали, что у Дэниела Брайтона под кроватью

хранится целая коллекция эротических журналов. И это еще ничего. Харви Ларкинс нашел в компьютере Дэна самое грязное порно, которое ему довелось лицезреть. Под странным названием файла «ГРАММАТИКА ПЯТОГО КЛАССА» хранились снимки пышногрудых дам и все связующее с ними.

Четвертый друг «Стаи», как любил называть себя и своих друзей Рик, – Харви Ларкинс – обычный школьник. Высокий, с горбинкой на носу, и всегда коротко подстриженный. Он постоянно боролся за справедливость, и был в некоторой степени лидером в своем классе. Правда, у него не всегда выходили высшие баллы, как хотели его родители, но учеником, стремившимся к знаниям, он себя мог назвать, несмотря на постоянные укоры родителей, которые хотели, чтобы он выбился в люди. Сам он очень старался учиться, но были и иные обстоятельства, которые не позволяли ему полностью погружаться в учебу. Харви был из малообеспеченной семьи, где пятерых детей не баловали разносолами. Они жили в самом конце улицы. Худой темнокожий мальчик частенько заходил в гости к каждому из друзей. Сейчас он был в легкой куртке цвета хаки, при одном взгляде на нее, пробирала холодная дрожь. Особенно Аарона, которые всегда держался обособлено в этой лиге, но, однако ж, без него эта команда не была бы полной. Они всегда встречались в назначенное время, заранее не назначая его. Просто каждый знал, когда все выйдут. Они чувствовали сплоченность, и их маленькая

стайка походила на некую банду, члены которой жили очень близко друг о друга, кроме Харви Ларкинса. Отец его вкалывал на ферме, на которой ему недавно предоставили работу, как ломовая лошадь. Он всеми силами старался держаться за нее. Мать в это время работала учителем младших классов, где и учился самый младший в их семье, Стерт Ларкинс.

В отличие от Харви, толстяк Томас Ллойд всегда отлынивал от занятий, и ему было (со слов самого Томаса) абсолютно параллельно, что о нем подумают его родители. Ведь он был единственным в семье и родители его очень сильно баловали, поэтому, подсознательно Томас знал, что его не будут напрягать – ни в чем. И, даже если у него вспыхивали порывы к знаниям, и вот, наконец, он садился за стол, чтобы подтянуть все «хвосты», то тут же появлялись мама и бабушка. Бабушка отводила его на кухню, где уже Томаса ждали первое, второе, третье, четвертое, десятое блюда, которые он, на радость бабушке и мамы, умудрялся выедать, пока не покажется дно тарелок, а все домашние задания за него делала мама. Лишь бы малыш Томас не утомился. Отец все время был в командировках, и заезжал лишь по праздникам. Томас был не очень-то поворотлив, и каждый раз ужасался пробежке, которую заставлял выполнять их школьный учитель по физкультуре, уже ранее знакомая вам – мисс Тоня Орлова. Физкультура была точно не для Томаса. Подгоняя его на общей пробежке, она легкой трусцой (чтобы бежать наравне с Томасом, не нужно было прилагать особых сил)

бежала рядом и все время звонко свистела в свой мерзкий свисток, от звона которого Томас чуть подпрыгивал, и, сжимая губы, пытался усилить бег. На колкие выкрики физрука, такие, как: «Резче, директор пивзавода!», «Шевели толстыми булками, Миссисипи!» (Тоня Орлова не отказывала себе называть учащихся по кличкам, которые когда-то слышала между разговорами самих школьников друг с другом), Томас всегда, гневливо поглядывая, что-то бурчал себе под нос, пытаясь, с неимоверным для него усилием, оторваться от рядом бегущего физрука. Но, однако же, по его мнению, он неплохо играл в футбол, и немало этим гордился… Ну, сказать, что он играл в футбол – это поднять на смех всю местную округу. Его, обычно, всегда ставили вратарем. Кому доставался Томас, когда уже невозможно было отбиться от его желания сыграть на школьном футбольном поле или же среди друзей (чаще его держали на скамейке запасных), те уже заранее мирились с проигрышем. И если Томас и ловил мяч, то только тогда, когда этот же самый мяч влетал ему по лбу (зачем-то ребята старались попасть ему в голову) или еще в какую часть его широкого туловища. Но сегодня произошло чудо! Томаса выбрали нападающим…

– Давай, Томас! Шевели своей толстой задницей! – посмеивался Харви.

– Ну же, давай! – закричал Дэниел с ноткой вызова, ожидая нападения неповоротливого Томаса.

Рик, стоя на воротах, крепко сцепив руки в черных кожа-

ных перчатках, время от времени похрустывал костяшками пальцев и не отводил глаз от Дэниела.

– Ты пройдешь через меня? – улыбнулся Дэн, съязвив и скорчив некое подобие улыбки, ехидно исказившей его рот.

– Бей же! – недовольно прокричал Харви, стоя по левую сторону от толстяка Томаса.

– Держи, конопатый! – мяч полетел в сторону Дэна: Томас, вобрав в удар всю собранную мощь, пнул мяч, но, не рассчитав сил, атомной бомбой грохнулся на мокрую, припорошенную снегом землю.

На мгновение все замерли. Мяч ракетой пролетел прямо между ног Дэна и ворвался в край ворот – прямиком в сетку. Но никто не отвлекся на мяч. Все уставились на не подающего звуки толстяка, который распластался в центре игровой площадки, подобно морской звезде. Звук упавшего Томаса был настолько обрывным, глухим и тяжелым, что могло показаться, что кто-то сбросил с неба огромную тушу.

– Он живой? – произнес Дэн, переглянувшись с Риком.

Тот пожал плечами и настороженно произнес:

– Пойди, проверь.

Все ошарашено и напугано подходили к не шевелящемуся Томасу.

– Эй, – осторожно пнул его в бок Дэниел. – Томас?

– Что ты делаешь? – Харви недовольно оттолкнул в сторону Дэна и присел рядом с неподвижно лежащим Томасом.

– Томас? – Харви медленно стал тянуться к его лицу…

И тут резкий выкрик заставил всех с ужасом вскрикнуть (Дэн даже упал на спину): – Я ЗАБИИИЛ!!!

– Что б тебя… жирная свинья! – плюнул в сторону резко очнувшегося Томаса Рик.

Харви, упав на задницу перед мгновенно приподнявшимся Томасом, глядел на него глазами-блюдцами.

– Ребята, я забил! Ой… – Томас схватился за голову. – А что произошло?

– Херасима Толстосраки, – выдавил из себя Рик, с пренебрежением глядя на Томаса.

– Ты грохнулся, Миссисипи, – рассмеявшись от слов Рика, произнес Аарон.

Толстяк неуклюже попытался встать, но тут же покачнулся на растоптанном снегу, Харви успел подхватить его за руки.

– Я сколько раз говорил – не зови меня Миссисипи!

– Да вставай уже, – пытаясь приподнять Томаса, Харви сжал губы. – Ты тяжелый, как…

– Как кусок говна! – завершил Рик.

– Ребята вы чего?

– А того, что ты нас до усрачки напугал… – продолжал Рик.

– Что-нибудь болит? Что с головой? – тихо спрашивал Томаса Харви.

– Да все с ним в порядке, – сощурив глаза, Рик обернулся в пол-оборота в сторону своих ворот, в которых красовался

мяч.

– Надо пойти к врачу. Сперва дойти до дома…

– Все в порядке, Харви. Просто чуть шею потянул.

– Надо пойти домой.

– Все хорошо, Харви, – утверждающе проговорил Томас и вновь покачнулся.

– Все, идем домой, – положив руку Томаса себе на плечо, Харви оглядел всех.

Настало молчание. Лишь зарождающаяся метель (еще далеко от них, но уже стремящаяся в их сторону) начинала подвывать, взмывая вверх сухие хлопья снега.

– Помогите же мне, – удивленно произнес он.

Аарон сразу же быстрой походкой подошел к Харви и подцепил Томаса с другой стороны.

– В следующий раз крепче держись на ногах, Миссисипи, – нагло хмыкнул Дэн.

– Вы не идете с нами? – спросил Аарон.

– Что, вчетвером потащим Томаса? – выпарил Рик. – Вы справитесь и без нас. Дэн! – и отвернулся. – Игра уже началась!

Странная игра в одни ворота. Правила так непостоянны, грани их быстро стираются, и вот уже все ускользает из рук, как верткая рыба, в бурный поток жизни – ты больше не контролируешь ситуацию. Стоит только ненароком оступиться и упасть. И тогда-то начинается...

– Едешь к ним?

– Да, я очень давно там не был. Мне нужно будет заняться одним клиентом. Ты должен помнить его. Русоволосый такой, приносил статью. Еще все осторожничал.

– А-а, тот придурок.

– Он заявил, что заинтересован именно нашей газетой.

– Оставь его, этот парень проблемный, не надо его печатать.

– Ну, ты же помнишь, что мы всегда готовы публиковать разоблачающие новости.

– Парень хочет написать про губернатора. Я заостряю твое внимание – речь идет о губернаторе. И ты даешь на это добро.

– А что в этом плохого?

– То, что нас уже чуть не закрыли из-за одного такого вот придурка, а все его заметки были лишь сплетнями.

– Ну, зато сколько было шумихи, – роясь в телефоном справочнике, ответил Аарон.

– Ты меня не слушаешь. Не стоит наступать на одни и те же грабли. Скажешь, что я слишком придаю этому значение?.. Аарон, ты меня слышишь?

– Слышу. Ты меня просто утомил. Я ищу телефон адвоката, которого ты спрашивал. У него, как раз нет работы.

– Нет работы, значит плохой адвокат. Тогда я не буду тебя сегодня ждать.

– И не надо. Хочу съездить к маме. Думаю выехать к часу.

Сколько сейчас времени?

– Я никогда тебя не понимал, Аарон. То ты назначаешь встречу, то тут же звонишь и все отменяешь…

– Тихо… я все сделаю. Доверься мне.

– Похоже, ты еще не выспался.

– Нет. Воскресенье же. Хотя… ты подкинул мне хорошую идею. У мамы и высплюсь. Там любимый дом, воздух…

– Любимые гаражи и воспоминания босяков.

– Ах да, – засмеялся Аарон. – Ну как же без этого. А ты сейчас с семьей?

– Как всегда. С женой и с двумя детьми. Было бы неплохо организовать корпоратив. Но без пошлостей, как в прошлый раз. Ты понимаешь?

– Конечно. Жена, наверное, тебя еще долго пилила.

– Ну ты же знаешь Кейт. Вечная заноза в моей филейной части тела. Ладно… Удачно провести выходные. Передавай друзьям привет. Ну, тем… кто там у тебя.

– Хорошо. Что-то я не могу найти этот долбанный номер. Давай-ка я попозже перезвоню.

– О'кей.

Аарон посмотрел на часы.

– Пока, Норман.

И в трубке раздались короткие гудки отбоя.

– Как твоя голова?

Из прошлого…

Десять дней спустя…

– За десять дней ты мог бы его и проведать. Мы все приходили по несколько раз, Рик, – с укором высказался Харви.

– Я же сказал, что не люблю больницы и все, что с ними связано, – отвернулся от укоризненного взгляда Харви Рик.

– А он и не был в больнице. На третий день его выписали. Тебе это десять раз говорили, когда виделись с тобой.

– Что ты хочешь от меня, Белоснежка? – злобно глянул на Харви Рик Купер.

– Я – ничего.

– Томас, что ты можешь сказать?

– О чем? – Томас растерянно посмотрел на Рика.

– Ты обижен, что я не навещал тебя?

– Да все нормально, Рик. Я тебя понимаю.

– А что тогда хочешь ты, Харви? – резко глянул на Харви Рик, злобно оглядев его с ног до головы.

Невдалеке показались идущие к ним Аарон и Дэниел.

– Разве я сказал, что что-то хочу от тебя, Рик?

– Привет, парни! – поздоровался со всеми идущий к ним Аарон, вслед за ним в сторону ребят махнул рукою и Дэн.

– Здорово! – встал между Харви и Риком Томас, которые испепеляли друг друга взглядами, а затем двинулся в сторону идущих к ним парней.

– Как ты, Томас? Тебя уже выпустили гулять? – пожал руку Томасу Аарон.

– Здорово, Дэн! – Томас также поздоровался и с Дэниелом

Брайтоном. – Как видишь, Аарон, все в порядке.

– Да, здорово ты тогда нас напугал, Том, – произнес Дэн.

– А эти чего? – кивнул в сторону Рика и Харви Аарон. – Играют, кто кого переглядит?

– Да они опять спорят…

– Эй, ребята! – перебил Томаса Дэн, направившись к Харви и Рику. – Как вы? Что такие неразговорчивые?..

– Спорят из-за чего? – продолжил Аарон, переключив свое внимание на Томаса.

– Да-а-а… – отмахнулся тот.

Они молча направились к Харви, Рику и Дэну.

– Расходимся по домам? – дождавшись, когда соберутся все, выпарил Рик.

– Как хочешь, Купер, – ответил за всех Харви.

Все посмотрели друг на друга, встав в некий образовавшийся круг в середине площадки, всегда служившей им игровой ареной для баскетбола и футбола. Вокруг были сплошные гаражи. Неподалеку проходила безымянная дорога. Снег продолжал сыпаться на подростков, и Аарон заметно продрог. Его обувь промокла, пропуская влагу. Высокие голенища ботинок были спрятаны под промокшие джинсы. Аарон сегодня легко оделся. Посмотрев на Томаса Ллойда, с раскрасневшимися до ярко красного цвета щеками, словно их натерли свеклой, (он пыхтел, и никак не мог отдышаться), Аарон невольно поежился и потер свои озябшие руки.

– Мы же только пришли, – удивленно посмотрел на Харви

Аарон, а затем перевел взгляд на Рика.

– Так, ребята, – вмешался Дэн. – Вы что-то совсем погнали на морозе. Все у нас о'кей. Все супер! Я хочу рассказать вам новый анекдот от русских. Дамочка в роддоме. А под окнами ее муж. Просит, чтобы ему показали долгожданное чадо. Супруга в замешательстве. И не знает, как выйти из неловкой ситуации. После недолгих раздумий, она подзывает пьяного сантехника, и просит его поговорить с ее мужем. «Пожалуйста, передайте моему супругу, что в связи с генной мутацией, наш ребенок родился черным». Сантехник вольготной походкой направился к мужу. Оглядев его с ног до головы, цыкнул сквозь зубы и промолвил: «Уважаемый, в связи с тем, что Вы не мыли свой мутатор, Ваш ребенок родился черным. И его назвали Гена», – Дэн наиграно рассмеялся над своим же анекдотом.

Рик с прищуром глянул на Дэна и одобряюще улыбнулся.

– Как дела у тебя на работе, Харви? – воодушевленно произнес Дэн, посмотрев на Харви. – Если честно, я не понимаю твоих родителей. Тебе четырнадцать лет, а ты все еще, как раб…

Харви резко свел брови, с ног до головы разглядывая Дэниела.

– Как раб паришься на работе, – расплылся в растерянной улыбке Дэн. – Они не имеют право заставлять тебя работать в твоем возрасте.

– Это не твое дело. Я сам хочу работать и помогать семье.

– А как же учеба? Ведь ты сам говорил, что они требуют с тебя, чтобы ты хорошо учился. А как же тебе учиться, если ты четверть дня проводишь на работе с отцом? Пашешь, как нигер, а ведь ты среди нас интеллигент.

– Ты что, плохо слышишь? – захрустели костяшки пальцев Харви: он до последнего пытался сдерживать себя, чтобы не двинуть кулаком в эту конопатую рожу.

– Слушайте, ребята, давайте пойдем по домам. Я что-то устал.

Аарон чувствовал, что он вот-вот упадет, прямо лицом в белый снег, который все кружил и кружил, заметая следы вокруг. Ему казалось, что если он не преодолеет тупое оцепенение, сонной дремой навалившееся на него, то белый снег окутает его с ног до головы, превратив в белое изваяние, навсегда заточив в холодном плену, и никто не сможет добраться до него и высвободить его из-под заледеневшего снежного кокона. Конечно, Аарон преувеличивал, но все может быть, думал он. Интересно, как он будет идти по заснеженным переулкам, еще не расчищенными стариной Альфредом? Выросшие сугробы за день, казались ему горными вершинами Альп, если иметь хорошую фантазию и хорошо приглядеться к ним, можно вообще почувствовать себя потерявшимся астронавтом, на какой-нибудь необитаемой, заледеневшей планете. Просто двумя днями ранее, вся компания, кроме Томаса собралась у Дэниела в гостиной, и они смотрели фильм про космических путешественников, кото-

рые потерпели крушение на заснеженной планете. Как назывался фильм, Аарон уже не помнил, но кроме астронавта, отставшего от своей команды во время снежной бури, ему сейчас ничего не приходило в голову.

– Может, сходим все к кому-нибудь домой? – предложил Томас.

– Да, Миссисипи, давай к тебе.

– Харви, зачем ты придумал ему эту кличку? Ты же вроде за справедливость, – ехидно улыбнулся Дэн.

На всех нахлынула сонная нега, но они никак не могли покинуть друг друга. Только Дэниел держал мяч, периодически кидая его в снег и снова ловко подбрасывая ногой вверх, при этом, чуть слышно, напевал какую-то мелодию. Другим это слышалось, как невнятное мычание. Сам он, видимо, не догадывался, что его подвывание окончательно достало друзей.

– Хватит завывать, тварь гнусавая! – не вытерпел и басовито гаркнул Рик.

– Я уже совсем окоченел, что мы тут стоим, как вкопанные?! – раздраженно выкрикнул Аарон, содрогнувшись от холодных мурашек, которые пробежали по его ногам, доходя до самого сердца.

– Ждем, пока кто-нибудь из нас, самый умный, не предложит что-нибудь, – ответил Томас. – Предлагаю выпить чашечку кофе у нас дома. Или у Аарона… – последнюю фразу Томас проговорил каким-то тоненьким, слащавым голос-

ком, а затем замер.

– Что – «у Аарона»? – передразнил его Аарон таким же тонким голосом, недовольно глянув на расплывшегося в улыбке Томаса. – Тебе в моем доме медом помазали, что ли?

– Томас, ты так запищал, словно тебе яйца прищемило, – щурясь в сторону толстяка, Рик утер рукавом куртки нос, и затем устремил свой взгляд на Аарона. – А, ну все понятно…

– И что ты так жмешься? Ты хочешь в туалет? – Аарон, кажется, уже тоже начинал догадываться, зачем Томас хотел к нему в гости. – О, Господи, – закатил он глаза, отвернувшись в сторону.

– Выпьем горячий шоколад, – быстро проговорил Томас, заулыбавшись подобно томящемуся маньяку, и облизнув тающий снег на губах: стоя на месте, и, плотно сжимая ноги, он и не замечал, как беспокойно перетирает ляжками. Глаза его лихорадочно блестели. – Аарон…

Аарон не ответил: сделав вид, что не услышал, он, нахмурившись, повернулся к Томасу спиной.

– Аарон…

– Ну чего тебе? – не выдержал тот и резко обернулся.

– А твоя мама будет дома? – не сдержался и, как бы украдкой, тихо спросил Томас, а затем выдавил из себя нервный смешок.

– А теперь мы все поняли, что ты не в туалет хочешь, а жмешь там свои яй… – Дэна перебил Харви.

– Ты иногда удивляешь, Томас…

– Иногда? – приподняв бровь, глянул на Харви Рик.

– Она делает такой вкусный горячий шоколад, – точно не слыша ребят, проговорил Томас, – Она такая добрая… такая красивая, – пробубнил он себе под нос, а затем тоскливо посмотрел куда-то в небо, закусив нижнюю губу.

– Эй, хряк! – от мечтаний Томаса отвлек Рик. – Хватит тут перед нами жеманиться, как дешевой шлюхе на парапете!

– Что?

– Вот я сейчас дам тебе по шее, и ты сразу придешь в чувство, – Рик сделал два уверенных шага в сторону Томаса, и тот тут же отстранился от него.

– Ты чего, Рик?

– Рик, оставь его, – отмахнулся Аарон. – В прошлый раз я не знал, как оправдываться перед матерью за твое поведение, Томас.

– За мое поведение?! – взорвался Томас. – А что я такого делал?

– Ты и сам знаешь.

– Если у вас у всех извращенные мысли и фантазии, то никто в этом не виноват. И уж точно не я! Миссис Ловински очаровательная женщина…

– Томас, не забывайся! Пятерня ждет твоих щек! – расширив ладонь, Рик сделал еще шаг к Томасу, вновь замахнувшись на него.

– Тебе не запугать меня! А ну чо?! Давай, попытайся! – дерзко выпятил вперед себя грудь Томас, приблизившись к

Рику. Выглядела это картина достаточно смешно, так как видно было по лицу Томаса, что он боится Рика. Дэн заржал.

Рик удивленно обернулся на ребят.

– Вот это поворот! – успел вставить фразочку Дэн.

– Не смотри на нас, Рик. Толстяк сможет тебе надрать задницу, – сквозь смех, довольно улыбаясь, выпалил Харви.

– Миссисипи, ты поверил в себя? – не зная, что добавить, произнес ошарашенный Рик, посмотрев на стоящего перед ним Томаса.

Томас чуть попятился от него.

– Миссис Ловински заботливая, понимающая всех и каждого. И нет ничего странного, что я восхищаюсь ею, как человеком. Она спрашивает, как у нас дела. Всегда спрашивает, как у меня здоровье и хочу ли я кушать. И еще, именно она заметила, что я лучше всех вас вместе взятых! Она, правда, этого не говорила, но я понял по глазам. Она видит во мне большого человека, – гордо задрал он подбородок. – И поэтому, она понимает, что большому человеку нужно больше внимания и заботы.

Дэн расхохотался диким хохотом:

– Мои уши! Господи, что он несет? Аха-ха…

Невольно отвлекшись на Дэна, Аарон вновь раздраженно глянул на Томаса.

– С чего ты решил, что она уделяет тебе внимания больше, чем другим? Толстый человек и большой – две разные вещи, Том. И то, что ты всегда хочешь кушать – несложно дога-

даться. Когда ты обычно приходишь в чей-то дом, то всегда первым находишь вход на кухню, и всегда тоскливо поглядываешь своей прожорливой рожей на чужие холодильники.

– Ну, извините, что я оставил вас наедине с голодной смертью после своего посещения.

– Да ты, как бездонная прорва, – прыснул Дэн.

– А вот когда это моя мама спрашивала у тебя о твоем здоровье? – поинтересовался недовольно взирающий на него Аарон.

– Вы этого не слышали, – отделался быстрым ответом Томас. – Я хочу сказать, что вы просто не цените маму Аарона, – затравленно оглядывая ребят, Томас резко вскрикнул: – Цените маму Аарона!

Нависло неловкое молчание.

– А зачем мы вообще должны зацикливать на ней свое внимание? – еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, произнес Харви. – У всех нас хорошие родители, и мы их всех ценим.

– Да, я не отрицаю… – Томаса перебил Дэн:

– О, поздравляю, Аарон! У твоей мамы появился новый поклонник. Боже, я уже устал смеяться, – Дэн протер ладонью проступившие от смеха слезы. – Ты же, как раз мечтал об отце? Вот – люби и жалуй! Аха-ха-ха-ха!.. Я слышал у своего русского приятеля по интернету, что у них в России отчество заканчивается на «ич». Так вот, дружок, ты будешь Аарон Томасович. Скоро, скоро, Аарон, ты будешь звать То-

маса «папой», ой, не могу, аха-ха!..

– Вы просто ничего не понимаете!.. – Томас растерянно хотел оправдаться.

– Ты достал уже, Томас! – Аарон напряженно выдохнул.

Томас замолчал, а Дэн все продолжал смеяться.

– Эй, клоун, ты, может, уже прекратишь усираться? – Аарон уставился на смеющегося Дэна, и Дэн, словно и не смеялся до сей минуты, резко посмотрел на него со спокойно-надменным выражением лица, на котором явно читался вызов: «А ну ответь, если сможешь!».

– Скоро мы реально дубу дадим с вашими разговорами. Надо бы уже завалить в чью-либо берлогу и согреться… Ты как, Аарон? Согласен? – спросил Дэниел, поправив шапку, сползшую ему на глаза, которые блеснули холодным блеском.

Аарон не стал отвечать. Он был подавлен и растерян.

Дэн поднял сползшую на глаза шапку вверх и практически открыл весь лоб. Буравя взглядом вопрошаемого, он напряженно ждал ответа. – Так ты согласен? – он начал осторожно кивать в сторону отвернувшегося Томаса. – Глянем на реакцию.

– Наш главный провокатор, – заметив, как Дэн кивает Аарону, Харви показательно закрыл лицо ладонью.

– Я не уверен…

– Да брось ты, – влез в разговор Рик. – Ну, правда, Аарон. Из-за такой мелочи ты не пустишь нас домой?

– Как хотите, – произнес Аарон, сделав вид, что рассматривает свою промокшую обувь. – Но у меня точно нет горячего шоколада. Уж прости, Томас.

– Это не страшно. Главное посидеть и поболтать, – заявил Рик.

– Я не ожидал, что вы такого мнения обо мне, – обиженно глянул на всех Томас. Он повел своими широкими плечами, чувствуя, как по его спине неприятно скатывается пот.

– Еще заплачь, – бросил замечание Рик. – Все мы знаем, что войдя в дом Аарона, ты все забудешь, и вновь будешь чудить…

– Я? Я надолго запомню ваши сегодняшние издевки. Вот увидите.

– Он нам всем отомстит, и в нужный час прибьет всех, – вытянув губки бантиком, с издевкой успел вставить свои «пять копеек» Дэниел голосом обиженного ребенка.

– Вот и поглядим, – закончил спор Рик.

– Идемте. Я знаю отличный сайт, где есть красивые девушки, – с замашками будущего сутенера произнес озабоченный Дэниел.

– Ты только об этом и думаешь, – рассмеялся Рик. Его тонкогубая улыбка растянулась на лице, а глаза хищнически сузились.

– Пойдемте скорее. Я лично вспотел ужас как…

Идя рядом с Аароном, Дэн тыкнул его локтем в бок. Вновь кивая в сторону Томаса, незаметно для других, прошептал:

– То-о-омасович.

– Да иди на…

– Нет! – послышался голос Томаса. – Если у вас нет горячего шоколада, я не хочу идти к вам, Аарон.

– Миссисипи, а не слипнется ли у тебя… – голос Дэна.

– Голос Дэна… Как сейчас слышу. Миссисипи… Почему я не могу вспомнить из-за чего к Томасу прицепилась эта кличка?

– Аарон, все хорошо. Сейчас это не имеет значения. Вспомни, что было дальше…

– Мне страшно.

– Тебе незачем бояться. Тебе больше ничто не угрожает. Здесь все свои. Рядом с тобой мама. Она держит тебя за руку…

– Я хочу снова вспомнить, что я взрослый. Что я давно уехал из этого города, подальше от этого места. Мне двадцать четыре года, а не четырнадцать лет. Я работаю журналистом, пишу собственную книгу и нахожу время, чтобы вновь отправиться в город детства, чтобы проведать свою мать и друзей. Ведь с ними все хорошо?

– С ними все хорошо, Аарон. Не отвлекайся на мысли, что ты снова взрослый…

– Это гипноз… Я начинаю снова понимать, что я взрослый. Я выхожу из дому… Нет, я чувствую, что что-то меня ждет. Что-то плохое ожидает меня. И этого даже Вы не

сможете объяснить – ведь это нельзя оспорить логическими фактами. А оно ждет меня… Выжидает. Вы лжете, что сейчас со мною моя мать. Как я попал к Вам? Ведь я взрослый парень, у которого отличная жизнь. Мне двадцать четыре года, я журналист, пишу собственную книгу…

– Аарон!..

– А может?.. Да, точно. Я обратился к Вам перед поездкой в родные края, перед поездкой к маме. Точно, я вспомнил. В последнее время меня сильно мучили кошмары… О прошлом. Прошлое яркими, кровавыми пятнами врывалось в мои сны. О, Господи, оно так ужасно!.. И поэтому я обратился к Вам. Перед поездкой к маме. Это все объясняет, почему я здесь. Но Вы можете объяснить, что будет после того, как я выйду от Вас? Ведь я все равно буду собираться ехать к маме. И я чувствую, что что-то не даст мне этого сделать. Вы поможете мне избежать этого возмездия? Ведь я виновен. Я виновен! А вы будете утверждать иное, но я то знаю правду… Также, как и знаю, что когда я уйду от Вас, то вновь буду собираться ехать в свои родные края… К маме. Знаю, как и то, что меня будет что-то ожидать. Но что?

– Сейчас ты подросток, Аарон. Ты очень хорошо знаешь своих друзей. Ты можешь даже раскрыть то, что таилось у них внутри: их мысли, их желания. Ты можешь описывать их – не сомневайся в этом. Каждый их шаг показывается тебе ясной картинкой. Расскажи нам, что ты видишь первым?

– Ему очень сильно хотелось сейчас горячего шоколада.

Его мама не жалеет ему этого чудесного напитка, и дома у них никогда не пустует полка, отведенная специально для баночек с какао…

При одном воспоминании об этом, Миссисипи еще сильнее захотелось домой, и он нетерпеливо затоптался на месте. Но все получилось иначе. Все почему-то направились к дому Аарона. Внезапные гости немного смущали его. Как отреагирует его мама? Лишь мысли о ней заставляли идти Томаса вперед, хотя горячий шоколад так соблазнительно тянул его свернуть к собственному дому!..

– Так она интересовалась мной? – тихо прошептал Томас, шумно дыша.

Аарон медленно, удивленно, словно облитый кипятком, обернулся на Томаса…

Обычно, она у него спокойная и ничего плохого не говорит о его друзьях. Но ее сильно выводил зазнайка Рик. Она его на дух не переносила, и однажды накричала на него, отослав восвояси. Просто его лицо ей не нравилось. Нет, не из-за оспы. Она считала, что в нем есть что-то нехорошее, и часто интересовалась – не курит ли он? Аарон сам не знал этого, но всегда говорил «нет». Вызывающая мимика зазнайки и его кривая ухмылка сильно раздражали ее, и при редких встречах, она тут же уходила на кухню. Больше ей нравился толстяк Томас – Миссисипи, как называл его Харви. И кажется, Миссисипи знал об этой симпатии, искренне улыба-

ясь и все время получая от матери Аарона что-нибудь вкусненькое. Все знали, что он любил вкусно поесть и ради этого готов был улыбаться ангельской невинной улыбкой, и в тот момент казалось, что вокруг его головы включается какой-то невидимый ореол, который может видеть только мать Аарона.

Подойдя к невысокому крыльцу своего дома, Аарон постучал в дверь.

– Кто там?

– Это мы, мам.

Лицо миссис Ловински показалось по ту сторону легкой занавеси на застекленной двери. В центре двери красовалось матовое стекло с маленькими рисунками в виде прозрачных ромбов, хаотично разбросанными по поверхности стекла. Она имела привычку спрашивать, кто стучится в дом. Это было неотъемлемым правилом, и Аарон его всегда стеснялся. Ведь можно было заглянуть в стекло и не докучать глупым вопросом! Но это была некая отличительная черта характера его матери – она любила задавать ненужные вопросы и получать на них четкий ответ. Это никогда не изменится, хоть мать его старела и время уносило черноту ее волос, оставляя свой отпечаток на всем ее облике.

Все столпились кучкой перед дверью, в ожидании пока им откроют и отодвинут щеколду, все время издающую скрежещущий звук. Ее давно нужно было поменять, или хотя бы смазать машинным маслом.

– Опять вся компания? – в шутливой форме произнесла миссис Ловински. – Ну что ж, входите.

– Здравствуйте, миссис Ловински!

– Здравствуй, Томми. Как дела? – спросила она, впуская мальчишек.

– Все хорошо, – улыбаясь, с опущенным взором произнес Том, проходя мимо.

– Как мама?

– Ничего, спасибо, – решился он посмотреть на миссис Ловински. – Она, вроде, собиралась готовить пирог, – говорил он, как будто сейчас заплачет. Он вовсе не хотел плакать, просто всегда разговаривал так со взрослыми, словно теряясь перед ними.

– Ясно, – ответила мать Аарона, понимающе улыбаясь и кивая ему в ответ.

Все по-быстрому сняли промокшую обувь, пока толстяк говорил с хозяйкой дома.

– Томми, хочешь что-нибудь перекусить?

– Я?

– Да – ты, Томми. Что-то не так?

– Гляди, сейчас опять согласится, – отвлек всех Дэн.

– Я сыт, – опустил Томас глаза.

Миссис Ловински удивленно посмотрела на ребят, которые прятались за углом коридора.

– Что вы сделали с Томасом, парни?

– А мы здесь причем? – произнес Аарон.

– А зачем тогда так наблюдаете за нами? Томас, чтобы они тебе не говорили – не слушай их. Рик, это твоих рук дело?

– Моих? О чем Вы, миссис Ловински? Мы и сами в шоке.

– Ох, сорванцы. Томас, на кухне стоит вкусный мясной обед. Я как раз старалась успеть приготовить его к вашему приходу. Ты не стесняйся, давай я тебе налью. Пока парни помоют руки, – взглядом строгого учителя посмотрела она на ребят, – а затем также присоединятся к тебе.

– Мам, мы не голодные.

– Ничего не хочу слышать…

– Правда, миссис Ловински, мы сыты, спасибо большое, – добавил Харви.

– Харви Ларкинс, эта компания тебя портит. Вот уже ты стал перечить старшим.

– Я не…

– Я же сказала, что ничего не хочу слышать. Давайте договоримся так – вы немного посидите в комнате…

– Мам…

– Недолго, – утверждающе произнесла она. – А затем, когда я вас позову, придете все к столу. Томас пока поможет мне расставить посуду и заодно проверит, досолила ли я обед.

– А можно я пойду с ними, Миссис Ловински?

– Как хочешь, – удивленно проговорила она, глянув сперва на Томаса, а затем на ребят.

Компания гуськом направилась в комнату через коридор.

Аарон открыл дверь в свою комнату, в свою берлогу, как он ее шутливо называл.

– Томас, не отставай! – крикнул Харви.

– Я не узнаю тебя, Томас, – проговорила миссис Ловински. – У тебя все нормально?

Томас стащил с себя мокрые ботинки, стеснительно улыбнувшись, и, напоследок, не удержался и все же заглянул в глаза миссис Ловински – и все застыло в его глазах. Лишь она… Миссис Ловински, в воображении Томаса, которая была озарена ярким светом, медленно поворачивалась к нему (волосы ее, как в замедленной съемке, шевелились будто на ветру), протягивая к своим губам руку… и посылая ему воздушный поцелуй…

– ТОМАС!

Томас резко отпрянул, оглянувшись назад.

– Я тебя уже сколько зову, ты где витаешь? – спросил ожидающий его Аарон.

Томас огляделся по сторонам. Миссис Ловински уже не было рядом. Она ушла на кухню. С кухни доносилась легкая мелодия, которую напевала возившаяся с едой мать Аарона, и Томас, расслышав ее голос, растаял. Прислонив голову к плечу, он закрыл глаза и заулыбался. С кухни шел невероятно вкусный запах обеда… и ее нежный напев легкой мелодии.

– Томас?

– Я иду.

Он также прошел вперед, присоединившись к остальным друзьям.

– Ух ты, а вот и компьютер! – воскликнул с горящими глазами Дэниел Брайтон, посмотрев на «бандуру» на столе.

Все начали снимать куртки и промокшие шапки, кладя это все на один из стульев в комнате, что стоял у стены перед входом.

– Дэнни, только не здесь. Иди и у себя смотри, – заявил шепотом Аарон.

– Да я не собираюсь ничего такого смотреть. У тебя есть какие-нибудь игры там?

– А ты прям не знаешь, какие у меня там игры.

Дэнни с азартным взглядом навис над компьютером. Повернувшись на Аарона, он не знал, что сказать, чтобы его подпустили к клавиатуре.

– Ладно. Полазь. Только в порно сайты не заходи.

– Давайте лучше сыграем в карты, – предложил Миссисипи, разглядывая комнату с большой заинтересованностью, словно он здесь впервые очутился, затем перевел взгляд на Аарона.

– Вы пока разбирайтесь, – ответил на немое ожидание Аарон, явно утомившись от всей этой возни.

– Мальчики! – послышался голос матери Аарона. – Вы помыли руки?

– Да, мам! Мы все помыли руки.

– А я как будто не видела, что вы свернули в комнату. Я

вас всем приготовлю горячий напиток. Например, какао…

– Нет, спасибо! – почти все хором ответили на голос из кухни.

– А я и не спрашивала.

У Томаса вновь загорелись глаза.

– Так у вас есть какао? – разочарованно глянул он на Аарона.

– Кто-нибудь может сделать так, чтобы он отстал от меня?

Дэниел Брайтон был занят компьютером, и ему не было дела до остальных. Харви что-то разглядывая в стороне, также не ответил.

– Почему? – Миссисипи удивленно буравил Аарона.

– Да, за что, Аарон? – драматичным голосом проговорил Рик, и присел рядом с Дэном у компьютера.

– Ты не хотел, чтобы я пришел к тебе домой?

– Нет, Томас… Просто…

И тогда Томас свел посуровевшие брови.

– Я иду к Вам, миссис Ловински!

С кухни донесся смех.

– Ну, иди, Томас, – послышался голос миссис Ловински.

Отвлекшись от компьютера, Дэниел приложил к губам ладонь, тихо, тягуче произнеся Аарону: – То-о-омо-о-ович…

– А какао у вас какой фирмы?! – решился, наконец, Томас спросить, правда, немного помедлив перед этим, так как не знал, какой будет реакция у Аарона.

– Миссисипи, (похоже, это прозвище крепко к нему при-

стало) тебе и так надо худеть, – с усмешкой произнес Харви, расслабленно грохнувшись на кровать Аарона.

– Еще бы спросил, какого состава какао, – не отвлекаясь от компьютера, произнес Рик.

– Я ХОЧУ КАКАО И ОБЕД! – громогласно заявил толстяк, сурово глядя на Аарона, с дрожью обиды в голосе.

– Ахах, ну конечно, Томас! – в ответ послышался голос матери Аарона. – Все сейчас будет…

– Слышишь, Аарон? Все сейчас будет, – подмигнул Аарону Дэниел.

– Заткнись!

– Миссис Ловински, Вам действительно нужна помощь? – почему-то тоненьким голоском воззвал Томас, буквально одним глазом, осторожно оглядывая Аарона.

– Можешь помочь со сладким…

– Она приготовила для толстяка сладенькое, – хихикал Дэн, торкая локтем в бок Рика.

– Да-а-а, – не особо отвлекаясь на Дэна, подпевал Рик, – сладенький десерт.

– Вы двое… Если вы не заткнетесь… – Аарон покраснел от ярости…

– Молчим, Аарон. Извини нас, – удовлетворенно ответил Рик, словно осознав, что добился своего. – Рик больно ширнул острым локтем в бок Дэна.

– Да, прости нас. Мы не хотели тебя обидеть. Правда, Аарон.

– Не красней так, Аарон, – с прищуром оглянувшись на Аарона, произнес Рик. – Тебя можно поздравить. В вашем доме, наконец, появилось мясо. Я очень рад за тебя, Аарон…

Харви чуть приподнял голову с кровати, услышав слова Рика.

– Теперь я скажу всем, что они напрасно осуждали тебя, говоря, что на твоем дне рождения не было ни черта из еды. И что самое смешное, ты сам больше всех сплетничал о том, как мать не может тебя побаловать даже самым элементарным из еды. Это ведь были твои слова? – Рик коварно заглянул в глаза Аарона. – Твои слова, дружище?

Аарон опустил глаза.

А Томас, тем временем, даже облизнулся, представляя разные лакомства на широком подносе, который занесет миссис Ловински… только ему одному (разные пошлости Рика и Дэна развили у него фантазии). Вокруг нет никого. Ни Харви, ни Дэна, ни Рика, и, главное – нет Аарона. Миссис Ловински… Она заходит в комнату, точно идя по воздуху. На ней легкая кружевная накидка. На подносе его любимые пончики, сочная клубника… Она тянется за баллончиком со взбитыми сливками. Подносит его к спелым ягодам… и нажимает… Взбитые сливки соблазнительно ложатся на целую гору клубники. Миссис Ловински одобряюще смотрит на Томаса и… предлагает пончик. Томас, не видя ничего под своими ногами, медленно ступает к ней. Она, тем временем, снимает пальцем верхушку сливок с ягод, и призывно про-

тягивает воздушный крем в его сторону…

– Томас… Быстрее, Томас.

Но он никак не может дойти до нее. Приятная фантазия превращается в кошмар. Позади него доносится свист свистка его физрука – Тони Орловой. Томас переходит на бег…

– Томас, я съем твой пончик, – недовольный голос матери Аарона.

– Не-е-ет!.. – он пытается дотянуться до нее, но бег не дает результатов – Миссис Ловински начинает отдаляться от него.

– Томас… Томас!..

– ТОМАС!

– А? – он огляделся.

– Ответь маме Аарона, – произнес Рик. – Тебя уже обкричались, лось.

Он вновь в скучной комнате, вместе с этими утырками, с осуждением смотревшими на него.

– Я здесь, миссис Ловински. Все хорошо.

– Да, иди, сожри все вокруг, – подшутил Харви, вольготно раскинувшись на кровати Аарона. Кровать была пружинистая и не очень удобная. – Ты прям медведь, тебя не прокормишь.

Глядя в пол, Аарон медленно ступил к порогу комнаты. Он чувствовал, что ему нездоровится.

– Ты куда? – с интересом спросил Харви, покачиваясь на пружинистом матрасе.

Рик отвлекся от компьютера, посмотрев на Аарона пронизывающим, холодным взглядом.

– Пойду… помогу маме.

– Эй, я хотел помочь ей, – полез вперед Томас.

– Даже и не думай об этом. – Аарон раздраженно глянул на толстяка. -Я дам тебе в рожу, Том.

Томас замер на месте: рука его, которая потянулась за дверной ручкой, застыла в воздухе.

– Ты чего, Аарон? Ты повелся на приколы этих упырей?

– Эй… жирный! Не забывайся, – выпалил Рик, все еще не отвлекаясь от компьютера.

– Ты все слышал, Томас, – устало проговорил Аарон. – Не забывайся. Даже и не думай туда идти. Пойдешь, когда позовут всех…

– Ух ты, какие дамочки!

– Ну, Дэн... Кто-нибудь, оттащите этого придурка, – быстро перевел тему Томас. – Дэнни, хватит. Ты как животное.

Дэнни смачно причмокивал, а глаза бегали по экрану.

– Дэн, противно, убери! – сказал Миссисипи, скривившись на экран.

– Это тот ракурс, который ты еще долго не увидишь вживую, жирдяй, – довольно проговорил Рик.

– Почему?

– Потому что тебе еще долго никто не даст! – ответил за Рика Дэниел.

Харви тут же вскочил с кровати и подошел к экрану:

он быстро выключил компьютер, услышав приближающиеся шаги матери Аарона. Экран медленно начал затухать и Дэниел заныл:

– Ну-у-у, что ты сделал? – он тоскующе смотрел на потухший экран, словно провожал в последний путь лодку с умершим другом, которая плыла вдаль необъятного озера.

Как раз в этот момент подошла миссис Ловински. Поверх темно-бардового платья был надет фартук в горошек. В руках было розовое полотенце.

– Как дела, ребята? – спросила она. – Я слышала какой-то спор. Томас, почему ты не отзывался?

– Я задумался, – ответил он.

– Сегодня мы обойдемся без какао.

– Как? – Томас впал в оцепенение.

– Вот так, – коротко ответила миссис Ловински. – Коробка из-под какао оказалась пустой.

– Я же тебе говорил, – тяжело произнес Аарон, глянув на Томаса.

– Кто-то просто забыл, что его просили сходить в магазин. Правда, Аарон? – с укором посмотрела она на сына. – Зато у нас есть на десерт заварное пирожное. Так что, живее мыть руки и за стол! – взмахнув рукой, бодро проговорила миссис Ловински.

Аарон молча прошел мимо матери.

– Никогда не забуду то, что сказал ей в тот день. Я очень,

очень виноват перед своей матерью… Во всем.

– Поделись с нами, Аарон.

– Гипноз? Так вы зовете свое орудие, которое выворачивает наизнанку душу?

– Сэр, он пришел в сознание…

– Аарон. Не вставай. Мы не враги. Ты сам согласился на это. Мы просто хотим понять…

– Понять, как и я…

– А ты куда? – обратилась она к сыну. – Что за угрюмый вид?

– Я шел тебе помочь. Да и потом, мне надо в уборную.

Выйдя из комнаты, он, не оборачиваясь, произнес в коридоре:

– Сегодня что, какой-то праздник?

– О чем ты, Аарон? – мать Аарона глянула на остановившегося сына.

– Мясной обед, – и, не сдержавшись, высказал давнюю обиду: – Когда я просил тебя на день рождения приготовить что-нибудь из мяса, ты проигнорировала мою просьбу. И потом одноклассники еще долго смеялись, что у нас был скудный стол. А в обычный день ты готовишь мясо.

Удивленные друзья уже успели выйти из комнаты, уставившись на Аарона.

– Аарон, ты чего? – Харви растерянно глянул на миссис Ловински. – Простите его. Какая муха тебя укусила, Аарон?

– Сломался, – сощурившись, тихо прошептал на ухо Рик Дэниелу.

– Все нормально, Харви. Тебе незачем на меня обижаться, Аарон. Я приготовила то, что ты просил, когда смогла.

– Ну так иди и угощай их! – со злостью выпалил он и двинулся вперед, даже не обернувшись.

Ребята шепотом начали о чем-то переговариваться. Но миссис Ловински больше не слышала их. Лишь уходящие шаги сына, которые звонко отдавались в ее голове. Сдерживая себя, чтобы не заплакать, она попыталась улыбнуться глядевшим на нее ребятам.

– Миссис Ловински? – хотел было коснуться ее руки Харви.

– Не все могут позволить себе мясо по мгновенному щелчку, – перебил Харви Рик. – Это не ваша вина, что в чем-то Вы ущемляете Аарона. Аарон говорил, как Вам тяжело находить на хлеб…

– Что ты несешь?! – Харви толкнул Рика в плечо.

– А что не так? – ухмыльнулся Рик. – Мы все понимает, что они бедно живут.

– Кто тебе сказал такое? – по лицу миссис Ловински потекли слезы.

– Аарон. Я же только что сказал об этом. Вы не слышали?

– В кого же ты такая мразь, Рик? – Харви с отвращением с ног до головы оглядел Рика.

– Я что-то ни то сказал? – изобразил он удивление на сво-

ем лице. – Здесь разве есть чему стыдиться? Моя семья тоже много чего не может позволить мне… но я никогда не жалуюсь, что меня обделяют едой или какой-то игрушкой. Он не имел право выговаривать матери, еще тем более при нас, за какой-то кусок мяса, который ему не подали на день рождения. Разве я не прав?

– Ты прав, Рик, – утерев с лица слезы, миссис Ловински коснулась плеча Рика, в которое ударил Харви. Рик, вновь сощурив глаза, глянул на Харви Ларкинса.

«Так вот, как работает твоя схема, Рик?» – подумал Харви. «И при этом остаешься хорошим…»

– Аарона тоже можно понять, – шаркающей разбитой походкой направилась она в кухню. – Пожалуйста, не напоминайте ему за эту выходку. Никаким образом, – она пыталась убрать с лица оставшиеся слезы. – Аарон растет без отца. Не дай Бог кому-то из вас узнать, какого это.

– Мой отец в постоянных командировках, – идя за следом, сказал Томас.

– Ох, дорогой, это совсем другое. Ну, что? – она обернулась, по-доброму улыбнувшись подросткам. – Садитесь за стол.

– Держи! – протянула миссис Ловински пирожное, украшенное глазурью, Томасу, на которое тот уставился, сам не заметив этого. – Кто кого ждет? – обратилась она к остальным. – А ну-ка, мальчики, налетайте!

Миссисипи протянув руку через всех, взял пирожное с

особой нежностью, какую только смог вложить в свои пальцы, которые легонько коснулись пальцев миссис Ловински. Он вновь заглянул ей в глаза. Она отпрянула от него взглядом.

– Вы чудесно готовите. И всегда всего очень много. Правда.

– Кушай, мой милый, – улыбнулась она.

– Спасибо!

– Спасибо, мисс Ловински, – также сказал Харви. Он хотел было и вовсе уйти из дома Ловински, из-за коварной подлянки Рика, который и устроил весь конфликт, но, словно появившийся из ниоткуда, Рик тихо прошептал ему на ухо, идя за его спиной, словно прочитав его мысли: «Не иди по дорожке Аарона, Харви. Уйдешь, – и все будет еще хуже. Я обещаю», – тем самым, окончательно сломив его решительность и волю.

Аарон стоял на веранде заднего двора и… плакал.

– Аарон? – мать явно нервничала. – Ну, куда ты пошел?

– Что, мам? – обернулся он.

– Ну зачем? – увидев слезы сына, она и сама расплакалась. Быстро подошла к нему и обняла.

– Не плачь, прошу тебя…

– Прости меня, мама… Я не хотел.

– Я знаю. Все хорошо.

– Они… В классе они смеялись надо мной. Одноклассники смеются надо мной, потому что знают, что мы бедно жи-

вем.

– Кто сказал, что мы живем бедно? Ну-ка, посмотри на меня, – он виновато поднял глаза.

– Я знаю, что ты сейчас хочешь сказать, мам. Рик правильно сделал, что пристыдил меня. Это я во всем виноват. Я просто чувствовал себя некомфортно, когда видел новые дорогие вещи у своих одноклассников…

– Все хорошо. Ты просто не знал…

– Я все знал. Ты всегда даешь мне совет, а потом робко делаешь так, как захочу именно я, не настаивая на своем мнении.

– А, теперь еще и я виновата? – улыбнувшись, вновь заглянула она в его глаза, а затем еще крепче прижала к себе. – Мой маленький Аарон…

– Прости меня. Я не понимаю, как это произошло.

– Я не сержусь на тебя… – а затем тихо добавила. – Извини, на счет того, что я сказала про Рика. Теперь ты можешь не украдкой дружить с ним, я больше не выпровожу его из дому. Он не такой уж и плохой парень.

– А как же твои слова, что я должен понимать тебя с полуслова? Ты ведь говорила обратное? И говорила, что я должен прислушиваться именно к первому твоему слову.

– Я не хочу, чтобы ты снова говорил, что я опозорила тебя перед твоими друзьями, прогнав одного из них. Ты волен сам решать, с кем тебе дружить.

– Мам… ты все еще сердишься? – заискивающе глядел он

в ее глаза, не зная, как воспринимать ее слова.

– Нет, сынок, – вновь обняла она сына. – Все хорошо…

– Все хорошо, Аарон. Дыши… Сделай глубокий вдох…

– Я не могу… Не могу простить себя…

– Что перед твоими глазами? Что ты видишь?

– Господи… Мне так стало легко… Я вижу новогоднюю сказку. Это очень простое воспоминание, но такое дорогое для меня! Так всегда и бывает в жизни: простое оказывается самым дорогим и ценным. И для каждого человека это простое – свое, ни с чем несравнимое... И что самое интересное, мы начинаем ценить эти простые мелочи только лишь тогда, когда теряем их. А до того, мы думаем, что эта обыденность так и должна протекать в нашей жизни. Даже не задумываемся, что можно что-то изменить в лучшую сторону, например, свое отношение… к близким, или хотя бы просто радоваться тому, что имеем… Забываем, что коварные минуты истекают сквозь наши пальцы, а мы, подобно деревянному солдатику, брошенному в песочные часы, смотрим на свои выставленные вперед руки с широко расставленными в стороны пальцами, и думаем, что он очистит нашу кожу. Очистит деревянного солдатика от его же плесени, которой он покрылся, и даже не может додуматься, что давно сгнил до самого своего нутра. А песок-то заканчивается. А вместе с ним и наши минуты. Вот-вот, и ты задохнешься в собственном же песке и плесени, которую сдирает с тебя падающий

на тебя же шершавый песок. Он, пока, золотой благодатью сыпется тебе на голову, но ты даже не замечаешь, как быстро его крупицы засыпают тебя, и ты полностью утопаешь под их тяжестью. Под тяжестью прожитых дней… Это очень легкое, прекрасное воспоминание – потому что я очень хорошо запомнил ее лицо в тот день. Я, наконец, вспомнил его! Как же было хорошо знать, что моя мама рядом. Господи, сколько я всего упустил. Сколько можно было сказать приятных слов, которых я не сказал, а в них нуждались. Скольких можно было избежать конфликтных ситуаций, которые сейчас мне кажутся абсолютно глупыми и не имеющими места быть. Сколько можно было сделать хороших поступков, которые и не составляли особого труда… И главное – я не ценил, что она была рядом. И это все упускает каждый из нас, и даже не задумывается о том, что времени все исправить может и не быть. Время бежит, забирая собой и блеск наших глаз. А когда-нибудь, ты будешь очень сильно жалеть о таких, на вид кажущихся, простых вещах, которые ты упустил в своей жизни. Я хочу, хочу вернуться хотя бы в тот прекрасный момент!

– Ты уже там, Аарон…

Глава 2. Новогодняя сказка

Для большинства жизнь – это линейная прогрессия, но это иллюзия. Потому что каждый день мы сталкиваемся с

возможностью выбора. Но каждый выбор ведет к новому пути. Каждый ваш выбор создает новую реальность.

Уолтер Бишоп.

– Аарон, загадай желание. Загадай, мой родной!

Аарон закрыл глаза, представляя что-то про себя. Губы его безмолвно шевелились.

– А теперь, открывай подарок.

Аарон мигом заглянул под елку и достал коробку в блестящей сиреневой обвертке.

– Что там?

– Даже не предполагаю. Открывай и узнаешь, – улыбнулась она, стоя рядом, пока Аарон волнуясь, держал большую коробку.

Подарок же от своего сына миссис Ловински еще не открыла. Она с терпением смотрела, как Аарон медленно снимает шуршащую фольгу.

– Ух ты!.. Мама, спасибо, – улыбнулся он, выразив восторг, хотя подарок ему совсем не понравился.

Обычный свитер был для него явно не сюрпризом.

– Старый твой свитер уже поизносился. Вот я и… – неуверенно произнесла она.

– Да он был еще хороший, – немного пренебрежительно выразился Аарон, но потом вдруг понял, что это может выдать его настоящие чувства.

– Спасибо, мам, – подошел он к ней, попытавшись обнять.

Ему больше хотелось получить новые джинсы, со множеством карманов и заклепок. Последний писк моды. О таких он давно мечтал.

– Может, заглянем к Джозефам? – спросил он резко.

Это были соседи, что жили слева от них. Хорошая, большая семья всегда была рада гостям.

– Зайдем. Сначала посмотрим, что там за красная коробка, – указала она на небольшую коробочку, в ней находился подарок Аарона для своей матери – красивый набор, состоящий из зеркала и расчески. Все это было украшено блестящими стразами.

Подарок был очень изящный. Он не был дорогим, но из-за него, ему приходилось подрабатывать, помогая в магазинах.

– Интересно, что там? – сняв ленту, туго завязанную ее сыном, мать нерешительно раскрыла упаковку.

На минуту миссис Ловински замолчала.

– Спасибо, – тихо произнесла она.

На ее лице показались слезы радости, которые она не могла сдержать.

– Спасибо, сынок, – обняла она его, и Аарон был доволен, хотя чувствовал тоску и одиночество, уныло глядя в окно, сквозь которое виднелась их ничем не примечательная улица.

Так много людей… и так одиноко. Каждый спешил в свой дом, праздновать со своей большой семьей. Аарон с завистью всматривался в окна шумного соседского дома с боль-

шой оравой малышей, шумными мужчинами и веселившимися женщинами. Один из мужчин в доме открывал бутылку шампанского, другой играл с ребенком, на чьем месте хотел бы оказаться Аарон. Много людей виднелось за широкими окнами. Много веселых людей, делившихся друг с другом теплотой своего общения.

Сельма Ловински работала в доме престарелых. Обычно она умудрялась к каждому празднику порадовать стариков небольшими приятными сюрпризами или, на крайний случай, чем-то вкусненьким. Аарон все прекрасно понимал и ценил домашний уют, и их семейный праздник был действительно хороший, просто какой-то одинокий. Когда празднуешь в обществе одного близкого человека, то остро осознаешь, что кроме этой родной души, у тебя в этом мире больше нет никого, и никто иной не примет твои заботы близко к своему сердцу. Осознание этой истины пугало. И от этого становилось тягостно на душе. Всего один родной человек на весь мир! Чужой никому не нужен. Весь мир праздновал и даже не знал, что есть такие люди, как Аарон и его мать, или же другие люди, но лишенные даже таких маленьких радостей, как встреча праздника под крышей своего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.